Ли Льеж

Марионетки за ширмой

Ли Льеж

Марионетки за ширмой

«Издательские решения»

Льеж Л.

Марионетки за ширмой / Л. Льеж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969870-4

В мире, где живут рядом люди и куклы, настала зима. Театр «Фантасмагория» готовится к Новогоднему балу. Зловещая кукла бродит из дома в дома и разыскивает свою хозяйку. Женщина-химик составляет крем, способный полностью преобразить сущность человека. Фургон движется по американской саванне на Индейскую территорию, где никто не ждёт гостей. Эта зима будет очень странной…

ISBN 978-5-44-969870-4

© Льеж Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Бен 6
Глава 2 11
Миранда 11
Глава 3 15
Козетта 15
Глава 4 20
Бен 20
Глава 5 25
Миранда 25
Глава 6 31
Козетта 31
Глава 7 35
Бен 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Марионетки за ширмой

Ли Льеж

Дизайнер обложки Сниги

© Ли Льеж, 2019
© Сниги, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9870-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Бен

Дорогая Мартина!

Вот уже несколько лет я не брался за перо даже мысленно, осознавая горькую невозможность облечь свои мысли в слова. Всё, о чём я передумал за это время, всё, что я перечувствовал, тяжким грузом копилось у меня на сердце, делая его тяжёлым, неповоротливым, бьющимся из последних сил, а меня самого – слабым, ни в чём не уверенным, каждую минуту ожидающим конца. Тяжкое бремя одиночества, оглушительного и жуткого, как пустыня, приковывало меня к земле, не давая жить, дышать, радоваться. И лишь микстуры, которые с течением времени стали составлять большую часть моего ежедневного рациона, могли слегка приблизить меня к реальности, из которой я то и дело уплывал в мир тягостных, ни в малой степени не приятных грёз.

Я помню их до последней детали, до самой крошечной искорки на стекле – эти флаконы разноцветного стекла, из которых по капле, по две капли вливались в меня новые мысли, новые переживания. Я не знал, как они называются, на чувствовал, что капля тягучей янтарной жидкости способна отогнать тревогу, будучи растворённой в столовой ложке воды и выпитой до завтрака. Светлая, как слеза, и прозрачная жидкость, не имеющая вкуса, но обладающая горьким запахом древесного сока погружала меня в забытье, лишённое снов и потому столь желанное мною. Флакон тёмного стекла содержал в себе чёрную и густую, будто смола, тинктуру, которую мне давали в те часы, когда я терял над собой контроль и начинал молить тебя о возвращении, Мартина, и эта волшебная жидкость сразу же делала меня спокойным и вялым, удобным для врачей. А порошки, белые или бурые порошки в пакетиках из папиросной бумаги, которые полагалось высыпать под язык и сразу же проглатывать, запивая водой, – что они со мной делали? Этого я не помню, потому что каждый приём такого порошка оборачивался для меня кратковременной потерей памяти и сознания. Но я ни в чём не могу упрекнуть моих докторов: они лечили меня усердно, лечили от того, что являлось частью меня самого и потому никак не могло исчезнуть, – лечили от тебя, Мартина.

Поскольку я вновь пишу тебе сейчас, моя дорогая названная сестра, ты можешь догадаться, что несмотря на все их усилия я остался тем же, кем и был, и всё моё прошлое я таскаю с собой, как вросший в мою спину мешок с поклажей из грехов, разбитых надежд и суетных устремлений.

Итак, ты поняла, что больше года я вновь провёл в лечебнице, куда попал не по собственной воле, а по вынесенному кем-то решению. Кем же? Этого я пока не знаю, или, вернее, не помню. Зато помню, что ещё раньше, до лечебницы, я работал в железнодорожной конторе в Злондоне, занимал крошечное место секретаря и получал жалованье, которого мне едва хватало на керосин и дрова зимой. Но я не жаловался, нет, я был почти счастлив там. Эта монотонная, скучная работа, так неподходящая к моим природным способностям, заставила меня вычеркнуть из размышлений перевернувшую всю мою жизнь неделю, проведённую той злополучной осенью в Вырастающем доме. Ты, конечно, помнишь, ведь я писал тебе об этом. По прошествии месяцев события той недели стали казаться мне фантастическими, а потому нереальными, выдуманными. Мне даже стало казаться, что я сам придумал их, что это моё больное, но чуткое воображение, моя фантазия прирождённого писателя исторгли из мира фантазий невероятную историю, якобы произошедшую со мной и некоторыми другими людьми. Я даже задумал… я знаю, что ты не осудишь меня, Мартина… я задумал перене-

сти эту историю на бумагу, превратив её в роман, в этакую мрачную фантасмагорию, до которых так охочи современные читатели. Но что-то удержало мою руку…

Контора, в которую мне удалось устроиться, не являлась, разумеется, подходящим местом для личности моего масштаба, но всё же это было место, где никто не считал меня сумасшедшим, а это уже дорогого стоило. Никто не приглядывался ко мне внимательно, никто не толковал мои слова и жесты превратно. Никто не знал о моём прошлом и не шептался с товарищами: «эй, поглядите на него, это же Бенедикт Лиховский, который утопил собственную сестру и долгое время провёл в лечебнице! Убийца, убийца!» Я мог быть вполне спокоен. Однако что-то неведомое, чему я не знаю названия, продолжало наступать на меня, появлялось по вечерам, подглядывало в окна, пряталось во всех тёмных углах, и я понимал, что рано или поздно «это» меня настигнет.

Оно и настигло…

Теперь… когда я пытаюсь вспомнить подробности… некая пелена заволакивает мой разум… и я не могу разорвать её, как ни стараюсь, – но я не стараюсь, потому что не хочу знать, Мартина, не хочу знать, что там произошло и как…

Мне говорили, что я вновь убил человека…

Точнее, мне не говорили, но я слышал… как перешёптывались милосердные сёстры… и доктор, когда приходил померить мой пульс, смотрел на меня словно бы с опаской, словно я могу вырвать своё запястье из его широкой руки и… что? И что тогда?

Всё то время, которое я снова провёл в лечебнице, я не писал тебе, Мартина. Это объясняется очень просто: я разуверился, что мои письма дойдут до адресата. Должно быть, это те ядовитые порошки так повлияли на меня. Сегодня я не пью никаких лекарств, и это сразу вернуло мне силы и здравомыслие. Теперь я точно знаю, что я не сумасшедший. Впрочем, не могу сказать, что мир вокруг меня тоже не безумен, но лучше быть здравомыслящим человеком в безумном мире, чем наоборот. Я уверен, что ты со мной согласишься.

Началось всё с того, что я проснулся. И сразу понял, что я больше не в лечебнице.

То, на чём я лежал, было слишком жёстким, и на мне больше не было одеяла, а под головой – подушки. В больнице всегда пахло лекарствами, а здесь, в этом непонятном месте, пахло совсем иначе, я даже не сразу разобрал, чем именно. Дымом, пожалуй, а ещё гниловатой соломой, ваксой для чистки обуви и чем-то съестным, отчего у меня заурчало в животе ещё прежде, чем я открыл глаза.

Поняв, что обстановка полностью переменилась, я наконец осторожно разомкнул веки. И убедился, что нахожусь не в лечебнице, а в каком-то совершенно особенном, никогда прежде мною не виданном месте.

Оно напоминало… пожалуй, хлев или сарай, так как было построено из досок, и со всех сторон на меня глядели ничем не обшитые дощатые стены. Высокая двускатная крыша тонула в полумгле. Вдоль стен стояли грубо сколоченные полки, забитые всякой всячиной, а на полу выстроились мешки, наполненные, судя по разнообразию форм и размеров, крайне неоднородным содержимым. На одном из таких мешков я и лежал, одетый в полосатую больничную пижаму и серые войлочные туфли.

Передо мной стояли два человека, один из которых сжимал в руке керосиновый фонарь. Свет фонаря, хоть и не очень яркий, бил прямо в лицо, так что мне ежесекундно приходилось щуриться, пытаясь разглядеть незнакомцев. Готов поклясться, что в это время они с таким же любопытством и нетерпением разглядывали меня.

– Очнулся, – сказал тот, который держал фонарь.

– Сам вижу, – откликнулся второй.

По их голосам я понял, что оба незнакомца очень молоды, значительно моложе меня. Тот, который держал фонарь, оказался девушкой (логичнее будет сказать «оказалась», но тогда, боюсь, это будет грамматически неправильно), второй – юношей. У обоих были выразитель-

ные, с резкими и крупными чертами лица, тёмные, крутыми кольцами вьющиеся волосы и… конечно, мне это показалось… немного светящиеся в полумраке жёлтые глаза.

А может и не показалось: просто свет от фонаря так странно преломлялся в их больших, слегка навыкате очах.

Оба – девушка и юноша – были невероятно похожи друг на друга. Я решил бы, что у меня двоится в глазах, если бы девушка не была одета в юбку, а молодой человек – в брюки.

Вообще, одежда этих двух загадочных личностей заслуживает отдельного описания. На головах у обоих были платки, завязанные по-пиратски, на ногах – совершенно одинаковые грубые кожаные ботинки. Наряд юноши состоял из куртки и брюк с бахромой, точно такая же куртка была и у его сестры, но помимо неё – клетчатая юбка, не закрывающая щиколотки, и толстые шерстяные чулки в полоску. Таких причудливых одеяний раньше мне видеть не доводилось. Брат и сестра были похожи на дикарей.

– Вы кто? – спросил я, посчитав, что в столь загадочных обстоятельствах можно и пренебречь приличиями. В конце концов, с моей стороны было бы довольно странно представляться им по всей форме, лёжа при этом на мешке с соломой и практически без одежды.

Услышав мой голос, юноша широко, но не очень по-доброму улыбнулся.

– Я Жан, – сказал он, ткнув пальцем себе в грудь, а потом этим же пальцем бесцеремонно ткнул девушку в плечо, – а вот она Жанна.

– Вы французы? – снова спросил я.

Надо тебе сказать, дорогая Мартина, что к этому моменту я уже практически не сомневался, что имею дело с галлюцинациями – или с, как я их предпочитаю называть, видениями. Согласись, что слово «видения» подходит мне гораздо больше: галлюцинациями страдают только сумасшедшие, в то время как видения посещают исключительно людей великих, даже святых и пророков. Принять за действительность то, что меня окружало после внезапного пробуждения, было решительно невозможно, поэтому я счёл появление двух странно одетых французов-близнецов очередной шуткой моего разума, отравленного микстурой. В бреду мне являлось и не такое…

– Какие ещё французы? – почему-то обиделась девушка. – Я англичанка! Хотя нет. Теперь я эта… индейка, во!

– Дура! – тотчас же захохотал её брат. – Индейка! Индеанка, пора бы уж запомнить!

– Ну индеанка, – ничуть не обидевшись, согласилась девушка.

– Мы индейцы! – гордо провозгласил её брат.

На мой взгляд, хвастаться тут было совершенно нечем, да и не похожи они были на индейцев. Я, правда, никогда в жизни не видел индейцев, но кое-что о них читал, и по описанию эти дикие обитатели Америки были вовсе не похожи на парочку, которую я видел перед собой. Я слегка удивился таким причудам своего рассудка, но предпочёл не спорить с «видениями».

– А где мы находимся? – продолжил расспросы я, стараясь по возможности говорить с ними вежливо.

– В амбаре у старого Томсона, – охотно ответил юноша, назвавшийся Жаном. – Мы решили, что удобнее всего будет доставить тебя сюда, потому что здесь места много и до утра никто…

– Ш-ш-ш! – зашипела на него «индейка». – Давай-ка не всё сразу, а то он ещё совсем рехнётся.

Видения были грубыми, но жаловаться не приходилось.

– Это Злондон? – поинтересовался я.

– Не, – сказала девица, – это Нью-Ковентри.

Нью-Ковентри? Полагаю, что ты, дорогая Мартина, тоже никогда не слышала о существовании этого места.

– Мы далеко от Злондона?

Близнецы почему-то фыркнули и одновременно показали белые, крупные зубы.

– Далековато, – будто сдерживая рвущийся наружу смех, ответил Жан.

– А-а-а-а… – я никак не мог придумать, о чём бы ещё их спросить.

Неожиданно я осознал, что разговариваю с двумя стоящими людьми лёжа, почти голый (пижама не в счёт), в самом унизительном положении. Поняв это, я сразу же постарался встать, но смог только согнуть колени. Всё тело двигалось как-то странно, будто чужое.

– Эй, с тобой всё в порядке? – грубовато, но с явной тревогой в голове осведомилась девушка. – Может, позвать…

– Не надо, – перебил её брат, – всё с ним нормально, просто не очухался ещё. Полчасика и придёт в себя.

– Может, ему водички дать? – задумчиво спросила Жанна.

– Пожалуй. Эй, – громко, словно к глухому, воззвал он ко мне, – ты пить хочешь?

– Хочу, – честно сказал я.

Девушка тут же сунула свой фонарь брату, отошла в угол, скрывающийся во тьме, и чем-то загремела – похоже, что жестяным ведром. Потом вернулась, неся в руке грубый, но большой ковш, в котором плескалась вода.

Вода была странная на вкус, я такую никогда не пробовал. Но пить мне, оказывается, хотелось сильно: я выпил всё содержимое ковша, который девушка довольно бережно держала у моих губ.

– Ещё? – спросила она.

– Нет, спасибо.

И вот что было странно: раньше в видениях мне никогда не приходилось пить или есть. Запахи и звуки порой бывали громкими, но вкусовых ощущений я не испытывал ни разу. Вода, которая лилась мне в горло, казалась настоящей и по-настоящему утоляла жажду. Но ведь это значило…

– Как я сюда попал? – Наконец, задал я тот вопрос, который должен был задать с самого начала.

Юноша пожал плечами, будто я спрашивал о какой-то ерунде.

– Мы тебя перенесли.

– Перенесли? На носилках? – не понял я.

– Не, – снова хмыкнула его сестрица, – просто так. Скажи спасибо, что пижама на тебе осталась, а то мы всерьёз думали, что свалишься ты тут перед нами нагишом!

И они оба принялись хохотать, повторяя на разные лады: «нагишом!», «ой, не могу, умора!», «представляешь, нагишом!»

Отсмеявшись, близнецы вновь уставились на меня своими блестящими круглыми глазами.

– А ведь получилось! – с какой-то непонятной гордостью произнесла девушка. – Получилось! А ты боялся, что…

– …это ты боялась!

– …что его, там, разломает в пути, и придёт к нам одна голова…

– … голова – это ещё в лучшем случае!

– … Да, а то и печёнка с селезёнкой, да лоскут кожи. Вот жуть-то была бы!

– Да брось, Куница бы не допустил! – прервал сестру Жан.

Куница.

Я осторожно взялся обеими руками за голову и потёр виски.

Куница.

Это такой хищный лесной зверёк.

И ещё это прозвище. Или имя. Имя одного человека, который…

– Куница? – переспросил я.

– Куница, – снова обратив на меня внимание, кивнул паренёк, – он тебя знает, а ты его.

– А вдруг не знает? – снова вмешалась девушка. – Или не помнит?

Жан не успел ответить. Заскрипела дверь, впуская пришельца. В просторное помещение амбара ворвалась широкая струя холодного ночного воздуха, всколыхнувшая пламя в фонаре и обдавшая меня ледяным дуновением. Я невольно поджал под себя ноги в больничных туфлях.

– Всё хорошо? – спросил знакомый, хоть и успевший забыться голос.

Впрочем, теперь этот голос стал гуще, глубже… мужественней… Четыре года прошло, а я узнал его сразу, как услышал.

– Всё прекрасно! – весело откликнулась Жанна.

– Умственные способности в порядке! – важно заявил её братец и добавил: – Все конечности на месте. Даже пижама уцелела.

– И он ничего себе не расшиб! – Подхватила Жанна. – Кажется.

– Я сам посмотрю, – отозвался вошедший Куница, ибо это, конечно, был он.

За минувшие с нашей последней встречи годы он стал выше и выглядел теперь гораздо взрослее. Его лицо лишилось последних признаков «детскости» и стало резким, с глубокими тенями возле линии носа. Подле губ появились скептические морщинки, брови стали гуще и почти срослись на переносице. Густые тёмные волосы он теперь убирал в низкий хвост на затылке, а ещё на нём было почти такое же карнавальное одеяние, как и на двух его малолетних сообщниках.

Куница подошёл ко мне вплотную и присел на корточки.

– Ну как ты, Бен? – спросил он таким тоном, будто мы с ним закадычные друзья, которые встретились на следующее утро после бурно проведённого вечера.

– Спасибо, очень хорошо, – ответил я.

А что бы ты сказала ему на моём месте? Наверняка что-нибудь гораздо более уместное.

Но Куница улыбнулся, будто иного ответа он и не ожидал.

– Думаю, твой разум и правда отлично перенёс перемещение, – заключил он с видом доктора Штайлера, подтверждающего диагноз.

– А мне кажется, что пришло время принять лекарство, – сказал ему я, – из синей баночки с жёлтой этикеткой. Три капли на полстакана воды.

Близнецы снова фыркнули, будто я произнёс что-то ужасно смешное.

Но Куница только покачал головой.

– Нет, Бен. Никаких лекарств ты больше не получишь. Здесь, конечно, есть аптека, но в ней сроду не бывало ничего лекарственнее касторки.

– Но я болен, – напомнил я.

– Да не так уж и болен, – отвратительно спокойным голосом возразил Куница.

– Начнёшь буянить – мы тебя свяжем! – выкрикнул Жан, но сестра тут же ткнула его в бок острым кулачком и что-то зашипела ему на ухо.

– Никто никого не будет связывать, – терпеливо проговорил Куница. – Радуйся, Бен, ты свободен.

– И где же я теперь? – я постарался сесть поровнее, чтобы не валяться перед Куницей, как парализованный.

– Ну… на другом континенте, – Куница понизил голос, будто сам застеснялся абсурдности своих слов.

Тут уже и мне стало смешно.

– Это где же? В Евразии?

– В Америке, – ответил Куница.

– В Америке! – радостно подтвердили близнецы.

Я расхохотался.

Глава 2

Миранда

Ночью было холодно. Опять! Ведь только накануне осматривали весь дом, проверяли все щели, залили воском окна там, где рамы плохо держались, а всё равно откуда-то дуло. И что обиднее всего, дуло в моей спальне. Пришлось вставать, накидывать на плечи вязаную шаль и бродить по комнате, пытаясь кожей босых ног почуять, откуда веет холодком. Ноги замёрзли, а источник мёрзлого декабрьского воздуха я так и не нашла.

Мороз разукрасил всё окно плотными, непрозрачными узорами, будто заткал парчой: сквозь такую снежную ткань ничего-то не разглядишь на улице. Я знаю, что там есть фонари, но даже их не вижу, только большие круги неяркого света на стекле. Всё-таки в моей комнате было хорошо, очень тепло по сравнению с улицей, а там – бррр! Хорошо, что сейчас ночь и не надо никуда идти по делам. До самого утра не надо.

Ноги совсем озябли, и я сочла за лучшее вернуться в постель. Одеяло у меня было хорошее, просто я вчера не протопила камин как следует – поленилась, понадеялась на хвалёное паровое отопление, вот и мёрзну теперь. Ну что ж, сама виновата.

Я поплотнее закуталась в одеяло и сверху ещё накинула шаль. Потихоньку начала отогреваться, свернувшись в клубочек и зажав руки между коленями. Декабрь… Даже не верится, что уже декабрь. Весь ноябрь шли дожди, долгие, тягучие, выматывающие, кругом была непролазная грязь. И вдруг зима, и снег. Вокруг сразу стало так чисто, так прибрано. Снежинки мерцают. И холодно… Но это естественно зимой, на природу нечего обижаться. Злондон – город, в котором не бывает хорошей погоды. Если только летом… иногда…

Я лежала, думала о лете и снова начинала дремать. Хорошо, что утро ещё так нескоро, я обязательно успею выспаться…

Ага. Размечталась.

Внизу громко хлопнула дверь. Я тут же попыталась убедить себя, что это сквозняк. Не вышло. Сквозняки гуляли только здесь, на верхних этажах, внизу никаких подобных явлений быть не могло. Если, конечно, кто-то не распахнул окна настежь нарочно, а кто же будет делать это зимой? Никто.

Вздохнув, я спустила ноги на пол и потянулась за халатом. Надела халат, сверху шаль, ноги обула в мягкие ночные туфли на кожаной подошве, и только потом подошла к туалетному столику, чтобы зажечь свечу.

Интересно, сколько сейчас времени? В моей комнате часов не было, но уже наверняка перевалило за полночь. Все нормальные люди спят в такое время…

Свеча слабо затрепетала, освещая подсвечник, блюдце и мою руку. На всякий случай я взяла с собой ключи и вышла из комнаты, сразу же нашаривая ногами ступеньки. Какой архитектор строил этот ужасный дом, я не знаю, но он явно ничуть не заботился о слугах, живущих на верхних этажах. Двери в комнатах прислуги выходили прямо на лестницу, без всяких площадок перед ними. Ступишь не туда – и придётся тебе пересчитывать своей головой ступеньки.

Я принялась осторожно спускаться, держа свечу прямо перед собой, чтобы видеть лестницу хотя бы на несколько ступеней вперёд. Хорошо, что за минувшие полтора года я изучила все ходы и переходы здесь так, что не смогу заблудиться даже во сне. Тем более во сне. Я точно знала, что что давеча хлопнула дверь в Розовую гостиную – мрачную комнату на первом этаже со стенами такого отвратительного грязно-розового цвета, что все обитатели нашего особняка

старались ни в какое время суток её не посещать. И кого же туда принесло посреди ночи? Сейчас выясним.

Бесконечно долгая кривоватая лестница окончилась узким коридорчиком, через который я прошла, постоянно задевая плечами стены. Коридор оканчивался неприметной дверью, ведущей в огромную кухню, огнедышащую днём и утомлённо спящую ночью, а уже из кухни открывался проход на «господскую» половину, в холл, гостиные, на главную лестницу и так далее.

Кажется, я уже упоминала, что архитектура данного строения могла свести с ума любого неподготовленного гостя. Два года назад особняк претерпел серьёзную реставрацию, сделавшую его облик ещё более вызывающим, а внутреннее устройство совсем уж непроходимым. Впрочем, именно этого хозяева и добивались, а гостям вовсе незачем было свободно бродить по особняку и вынюхивать его секреты.

Выйдя в холл, огромный и мрачный в эту декабрьскую ночь, я ускорила шаг и добралась до Розовой гостиной уже почти бегом. Нет, воров я не боялась и убийц тоже: проникнуть в наш дом не так-то просто. Меня волновало совсем другое: которого из своих хозяев я найду в гостиной и как скоро мне удастся спровадить его на боковую.

Дверь в гостиную была приоткрыта: видно, отворилась от слишком сильного хлопка. Я вошла и сразу почувствовала приятное тепло. Хотя камин уже давно не горел, но воздух в комнате был нагретым, как в весенний день. Очевидно, на нижнем жилом этаже паровое отопление всё-таки неплохо работало.

Хозяин сидел на диване с тонким и широким стаканом в руке. На нём (я, конечно, имею в виду хозяина, а не диван и не стакан) был плохо запахнутый халат, позволяющий увидеть измятую ночную сорочку, и атласные шлёпанцы на босу ногу. Светлые волосы всклокочены в беспорядке, лицо страдальческое. Я незаметно выдохнула с облегчением: с этим хозяином было справиться куда проще, чем со вторым.

– Мистер Ли, а чего это вы не спите? – поинтересовалась я, ставя свечу на стол.

Пока я не заговорила, хозяин не обращал на меня никакого внимания. Но и услышав мои слова, он всего лишь едва заметно скривился.

– Мне не спится, Миранда.

Ну да, другого ответа я и не ожидала.

– А вы лягте в постель, и сон придёт. Уже поздно…

– Сам знаю, что поздно, – без особой злости огрызнулся Ли Морган, – не хочу спать и не сплю. Я же тебя сюда не звал!

Я вздохнула. Всё-таки придётся поуговаривать.

– Ну мистер Ли, вы же знаете, что мистер Хилл не любит, когда занимают его время. Нам с вами повезло, что он ещё не здесь. Давайте я вас провожу в вашу спальню…

– Отстань, служанка! – прикрикнул хозяин, впрочем, изрядно придержав голос. – Я не хочу спать.

– А выпивать, стало быть, хотите? – я кивнула на коньячный стакан, который он держал в руке.

– Это чай! – оскорбился мистер Ли.

– В стакане?

– Чашку я не нашёл.

Я осторожно потянула носом воздух. Вроде бы спиртным не пахнет. Ну, одной проблемой меньше.

– Давайте я лучше согрею вам немного молока с мёдом, – предложила я, – оно вас успокоит, и вы сразу захотите баиньки.

– Не захочу, – упрямился хозяин.

– Обязательно захотите! – я добавила в голос уверенности. – Мистер Ли, вы же знаете, как нервно реагирует мистер Хилл, когда вы бродите по дому ночью. Это его время, ваше наступит через… гм… семь часов или около того.

Ли Морган раздражённо взмахнул рукой вместе с зажатым в ней стаканом. Некоторое количество чая, если это был чай, выплеснулось прямо ему на халат.

– Он мне надоел со своими причудами! – негромко, но выразительно возмутился мой первый хозяин.

– Так ведь и вы ему тоже, – справедливо возразила я.

– Неважно! Это мой дом!

– Но вы партнёры! – Мне опять пришлось напоминать отлично известное Ли обстоятельство.

– Помню я, что партнёры, – хозяин опустил золотоволосую голову на грудь и печально вздохнул.

Я не понимала, чего ему неймётся. Ночь-полночь!

– Пойдёмте спатеньки, мистер Ли, – поняв, что разговор затягивается, я всё-таки решила предпринять ещё одну попытку, – утро вечера мудренее. Завтра ваша хандра исчезнет, как страшный сон, вот увидите!

– Как же! – желчно захмыкал юноша. – Пока мы не проведём этот треклятый Новогодний бал, я не успокоюсь. Печёнкой чую, что Хилл опять что-то затевает, а что – понять не могу…

– Так вы поговорите с ним, мистер Ли.

Это дельное предложение было оставлено без ответа. Более того, хозяин Ли с чего-то перенёс своё раздражение на меня:

– А ты бессовестная служанка, Миранда! Ты слишком много себе позволяешь, потому что… потому что я слишком много тебе позволяю!

– Неужто? – спросила я.

Ну началось!

– Ужто! – взвился мистер Ли. – Разве это нормально, когда у служанки есть собственная горничная?

Я чуть не рассмеялась вслух.

– Так ведь моя «горничная» – это всего лишь…

– Неважно! Вот у моего отца служанки были смирные, вышколенные… – Ли раздражённо вздохнул. – По струнке ходили…

– Если вам так угодно, то дайте мне струнку, и я с удовольствием буду по ней ходить, – произнося эти слова, я ужасно гордилась своим терпением. – Право слово, хозяин Ли, вам нужно лечь спать. Вы нарушаете вами же установленные правила.

– Проводи меня до спальни, – всё-таки сдался хозяин, – иди рядом со своей свечой, в темноте я ничего не найду. Тут такой лабиринт, сам чёрт ногу сломит…

Я всё-таки позволила себе тихонько фыркнуть. Бедный, бедный мой мистер Ли.

Пусть это прозвучит непочтительно по отношению ко второму моему хозяину, но мистера Ли я обычно понимала. Ли Морган был взбалмошным и эгоистичным, но в глубине души дружелюбным юношей, а вот мистер Хилл… Ох, тут в двух словах не расскажешь.

Речь о Новогоднем бале велась уже давно. Идея, разумеется, принадлежала мистеру Хиллу, а мистер Ли, который сначала всячески её поддерживал, с наступлением декабря почему-то начал сомневаться в успехе предприятия. Видно, ожидал от своего делового партнёра какой-то пакости, хоть прямо так он и не выражался, тем более в моём присутствии. Но я-то всё понимала. Мистер Хилл – известный любитель и мастер эффектов, но чувство меры ему порой отказывает.

Взять хотя бы тот случай, когда на зрителей, собравшихся в зале и предвкушающих аппетитное зрелище в спектакле «Пир на тропическом острове», с потолка неожиданно посыпались человеческие пальцы и ушные раковины. Бутафорские, конечно, кукольные, но очень натуралистичные. Пальцы ещё и шевелились. Ой, что было! Визг, грохот, обмороки, с одной дамой приключился эпилептический припадок, двух господ стошнило. Я подглядывала из-за кулис, но мне и то подурнело от этого зрелища.

После такой премьеры Ли хватался за голову и орал, что в театр больше никто никогда не придёт, даже если зрителям придётся доплачивать. Оскандалились, мол, на весь Злондон, газетчики в щепки порвут… Ну, скандал, конечно, был, и немалый, даже полиция приезжала, чтобы убедиться, что пальцы точно были ненастоящие… И в газетах театр ославили едва ли не на всю Европу.

Зрители валом повалили, вот что произошло. Толпами. За месяц до спектакля билетов уже не было…

Правда, и спектакли мистер Хилл разрешал показывать только два раза в месяц, чтобы интерес публики не ослабевал. И каждый раз откалывал что-нибудь такое, после чего хозяин Ли бросался рвать на себе волосы и вопить, что теперь-то дело точно прогорело.

А теперь вот этот Новогодний бал, о котором мне ничего не было известно. Ну, кроме того, что бал состоится в ночь с 31 декабря на 1 января, и что там произойдёт что-то такое!.. такое!.. Я заранее поклялась, что любым способом изыщу возможность поприсутствовать на этом балу.

Но до конца года оставалось ещё довольно много времени, и хотя приготовления к балу шли полным ходом, никого из слуг в них не посвящали. Даже меня, хоть я и была здесь «на особом положении», как ехидно выражается мистер Хилл.

Доказательство моего «особого положения» зашевелилось в углу, как только я смогла вернуться в свою комнату, проводив хозяина Ли. Моя свеча догорела до середины, фитиль удлинился, и теперь пламя было высоким и сильно коптило. Я давно заметила, что создания, подобные моей «горничной», обладают каким-то невыразимым притяжением к смертоносному для них огню: они обожают пламя и боятся его. Чтобы не пугать лишённую глаз, но всё чувствующую Кривулю, я поскорее задула свечу.

– Кривуля, иди сюда, – позвала я, зная, что она меня не слышит, но чувствует меня и понимает все мои распоряжения.

Сломанная кукла сразу же доверчиво подковыляла ко мне. Воистину, надо обладать непомерным эгоизмом, как хозяин Ли, чтобы считать, будто это несчастное существо годится в «горничные». Скорее уж это я прислуживала Кривуле, стараясь облегчать её жалкое существование. А ведь когда-то эта кукла была очень красива, прямо как настоящая маленькая девочка! Она не умела говорить, но могла хотя бы передвигаться нормально и не пугала всех своим видом, как сейчас…

Пусть Кривуля и не чувствует боли, но мне всегда было её ужасно жалко. Именно поэтому я упросила мистера Хилла отдать эту сломанную игрушку мне, пошутив, что она будет моей горничной. Но хозяева приняли мои слова за чистую монету!

Иногда мне кажется, что я единственный взрослый человек в этом доме, полном детей. А ведь мне всего пятнадцать…

Глава 3

Козетта

…На одну баранью ногу средней величины необходимо взять один галлон овощного бульона, полпинты густой сметаны, по полстакана мелко нарезанных петрушки и сельдерея, один лук-шалот и двенадцать моллюсков в раковинах…

– А моллюски-то здесь при чём? – вскричала Козетта, обращаясь в пустоту, потому что никто её не слышал. – Какой идиот придумывает рецепты бараньей ноги с моллюсками?

Поваренная книга уязвлённо молчала. Её составитель, пожелавший остаться неизвестным, никак не мог помочь Козетте в её кулинарных упражнениях.

Девушка раздражённо схватила кастрюлю, уже стоявшую на плите, и щедро плеснула туда уксусу.

– Это вместо моллюсков! – Неизвестно кому пояснила она.

Затем, вытерев руки о батистовый передник, белоснежный утром и покрывшийся жирными пятнами к двум часам дня, Козетта вытащила из корзинки с зеленью лохматый пучок разнообразной травы и принялась агрессивно крошить его большим поварским ножом.

День сегодня не задался с самого начала.

Во-первых, молочник приехал слишком рано, и в тот час, когда Козетта всё-таки обнаружила на крыльце две бутылки молока, в них было уже не молоко, а лёд.

Во-вторых, ноготь сломался.

В-третьих, Соре опять нездоровилось. Эта японская страдалица вымотала Козетте все нервы. Несчастная и безучастная, как частенько бывало в последнее время, она сидела у окна, смотрела сквозь проколупанный в наледи «глазок» на улицу и многозначительно молчала. Козетте пришлось самой готовить завтрак, а потом и есть его в одиночестве!

В-четвёртых, повариха уволилась, а новую служба по найму персонала никак не могла прислать. Поэтому Козетта уже третьи сутки кашеварила сама с ничтожной помощью Соры.

В-пятых, мясник привёз заказанную баранью ногу, и сделал это именно в тот день, когда в доме не было никого, умеющего сносно готовить!

Но Козетта стиснула зубы и поклялась, что справится с бараниной сама. Однако время обеда приближалось, а еда почти не готовилась. И это не по вине Козетты! Просто в единственной поваренной книге, которую удалось найти, содержались на редкость дурацкие рецепты с непонятными мерами и странными ингредиентами. К тому же баранья нога категорически не желала помещаться даже в самую большую кастрюлю, и Козетта подумывала раздробить её на несколько частей топором, но потеряла топор где-то в своей спальне.

Ну всё, буквально всё было не так!

– Сора! – во всё горло крикнула Козетта, плюхнув в кастрюлю баранью ногу выступающей костью вверх. – Немедленно спускайся и помоги мне, бездельница! А не то останешься без обеда!

Козетта заранее знала, что эта угроза не подействует, но ей необходимо было на кого-то наорать, а Сора всегда являлась для этого идеальной кандидатурой.

– Если ты не перестанешь киснуть, я тебя эту кость глодать заставлю! – Козетта усилила голос до максимума.

Ответа не было.

Итак, на плите стояла самая большая кастрюля, которую удалось найти, в кастрюлю был влит бульон с уксусом и сметаной и насильно всунута баранья нога, которая торчала из бульона почти на треть. По рецепту полагалось накрыть кастрюлю крышкой, но в силу очевидных труд-

ностей это было невозможно. Козетта решила, что сойдёт и так. Даже если сварится только половина ноги, им с худосочной Сорой хватит этого дня на два, если не больше.

– Сора-тян, я тебя в последний раз предупреждаю!!!

Дверь на кухню скрипнула и отворилась. Козетта от удивления чуть не попала ножом себе по пальцам: она была совершенно уверена, что Сора из спальни не выйдет.

Но она вышла. За последние два года девушка неожиданно выросла почти на ладонь и потому казалась похудевшей; густые чёрные волосы, не уложенные в причёску, спускались почти до пояса. На Соре было чопорное серое платье со скучными плоскими манжетами и чёрный фартук.

– Чем помочь? – вяло спросила она.

– На вот… нарежь лук, – скрыв растерянность за грубостью, Козетта сунула подруге нож рукоятью вперёд. Та взяла и медленно подошла к кастрюле, в которой отчаянно шипело и булькало козеттино коронное блюдо.

– Что это? – с брезгливым недоумением осведомилась Сора. – Я это есть не буду.

– Ещё как будешь, – пообещала Козетта.

– Нет.

Ах да, она же почти не ест мясо… Баранья нога – целиком и полностью затея Козетты, которая любила мясо во всех видах и не желала от него отказываться из-за подруги со странными вкусовыми пристрастиями.

– Тогда придётся тебе есть лук в чистом виде! – съязвила Козетта.

– Я вообще ничего не хочу.

Ну вот что ты будешь делать с такой дурёхой! Козетта стиснула зубы, чтобы родившийся за ними поток ругательств не полился на всё вокруг. Всё-таки Сору следовало пожалеть, хоть она и перебирает со страданиями.

…Окончательно и бесповоротно сесть себе на шею Козетта позволила ей около двух лет тому назад.

Ну, тогда это было вполне объяснимо: Сора была тяжело ранена, находилась на грани жизни и смерти, и если она в результате и выкарабкалась, то только благодаря яростной настойчивости Козетты, держащей в страхе всех врачей госпиталя.

Козетта пообещала хирургу, что если он не сумеет вынуть пулю из груди пострадавшей, то она сама ему что-нибудь отрежет.

Козетта пообещала медицинским сёстрам, что если они недостаточно хорошо будут делать перевязки, то она сама их свяжет и в таком виде бросит в чулан с крысами.

Козетта сама сидела ночами у постели больной, подбадривая себя и её всё усложняющимися ругательствами.

Козетта боролась за жизнь Соры так, как она боролась бы за свою собственную жизнь, и в конце концов победила. Смерть – да, уныние – нет.

Дело в том, что после того ранения в Соре, и без того-то всегда унылой, что-то окончательно сломалось. Она затосковала. Быстро идя на поправку, подруга совсем перестала улыбаться и предпочитала лежать, разглядывая потолок.

– Ну что ты всё время куксишься? – борцовская натура Козетты органически противилась бездействию Соры. – Что опять не по тебе? Ты, считай, из могилы вылезла, так радуйся!

– Я радуюсь, – говорила Сора.

Но радости в её словах не было ни на полпенни.

Плюнув, Козетта решила довериться времени и удаче. Она снова сменила имя и документы, превратившись в обедневшую русскую баронессу Катерину Калашникову, и увезла Сору в дальний пригород Злондона, старинный городишко Ковентри. Там Козетта сняла небольшой дом с палисадником и устроилась жить, справедливо полагая, что пока полиция

гоняется за Долли Миллер по Злондону, русской эмигрантке и её служанке-китаянке некоторое время ничего не грозит.

Теперь каждое утро Козетта тратила немало времени, превращая себя в славянскую девицу. Она заплетала золотистые волосы в косу, густо румянила щёки и подводила брови угольками – именно так, по её мнению, и должны выглядеть лучшие представительницы далёкой заснеженной страны. Этот довольно примитивный маскарад неплохо отличал «Катерину Калашникову» от наёмной убийцы и якобы немецкой шпионки Долли Миллер, фото которой до сих пор печатались в газетах. Во всяком случае, жители Ковентри хоть и косились на размалёванную «баронессу», но с преступницей Миллер её не отождествляли.

В Ковентри было скучновато, но Козетта твёрдо решила оставаться здесь, пока Сора не придёт в себя и не изъявит желание перебраться куда-нибудь в другое место. Она наняла кухарку и горничную, завела близкое знакомство с местным печником-трубочистом, пекарем и мясником, рассказала несколько ею же сочинённых баек из «русской дворцовой жизни» кумушкам-сплетницам, и вскоре отлично влилась в маленькое общество Ковентри. Козетта планировала провести здесь не больше нескольких месяцев, но вынужденный отпуск затягивался. Разумеется, из-за Соры.

Если первую зиму в Ковентри Козетта кое-как пережила, то на вторую соглашаться была не намерена. Через год после трагических событий на вокзальной площади Сора полностью оправилась от своего ранения и даже, кажется, вернула себе подобие хорошего расположения духа, как вдруг новая история испортила весь прогресс и заставила включить в план проживания в Ковентри вторую зимовку.

Всё испортили, конечно, газетчики.

Со свежей прессой в Ковентри было так себе, особенно зимой: дороги становились непроходимыми, и новости достигали жаждущих умов с большим опозданием. Летом ситуация менялась в лучшую сторону, но свежие номера злондонских газет почта доставляла не менее чем через неделю после их выхода из печати. Старожилы Ковентри считали, что и это достаточно быстро, но Козетта, отслеживающая публикации в прессе с не требующим объяснения интересом, злилась на медлительность почты.

Когда Соре сделалось лучше, она начала иногда брать газеты, уже выброшенные Козеттой в корзину для растопки, и пробегать глазами новости. Козетта не видела в этом ничего дурного, даже радовалась, что подругу наконец-то потянуло на развлечения. Она почему-то полагала, что Сору интересует светская хроника.

Однажды во время завтрака, состоящего из свежих августовских фруктов и взбитых сливок с сахаром, Козетта увидела, как побелело и без того всегда бледное лицо подруги и как газета выпала из её руки.

– Ты что? – всполошилась Козетта. – Снова болит, да?

Но Сора ничего не могла сказать, только беззвучно шевелила губами. Тогда Козетта толкнула её в кресло, сама подняла газету и принялась перелистывать страницу за страницей, пытаясь найти то, что так взволновало Сору. И, на свою беду, нашла.

Чрезвычайное происшествие в Уоллингтауне

Наши читатели наверняка ещё помнят прошлогоднее мистическое событие, наделавшее много шума и породившее самые жуткие слухи, которые только витали по Лондону со времени Джека-душителя. Всё же напомним кратко суть той ужасной истории: маленькая девочка из хорошей семьи, родители которой характеризуют свою дочь как самую честную и искреннюю крошку в мире, рассказала, что на неё ночью во время сна напала кукла. Кукла была найдена накануне днём в злондонском парке и принесена домой к малышке, однако гостепри-

имства не оценила и набросилась на свою маленькую хозяйку с непонятными, но явно не добрыми намерениями.

Всё это можно было бы счесть детским кошмаром, ежели бы история не повторилась через несколько дней с другой маленькой девочкой, которая точно так же, как и её предшественница, нашла очаровательную игрушку на улице и принесла её к себе домой. Два одинаковых детских кошмара – это, пожалуй, уже нечто стоящее внимания, но всё же не подтверждение того, что по городу бродит кровожадная кукла, разыскивая себе новую жертву. Но и произошёл и третий подобный случай, который мы также освещали в нашей газете, и от первых двух его отличало только то, что теперь свидетельницей кошмара стал не ребёнок, а взрослая женщина, вот уже несколько лет коллекционирующая кукол. Во всех трёх случаях кукла покидала своё новое обиталище ещё до наступления рассвета, оставив своих несчастных жертв в состоянии, близком к истерике.

Затем последовало затишье, которые все мы восприняли как избавление от этого инфернального зла. Более года зловещее существо в обличье куклы не давало о себе знать, и вот теперь, похоже, оно вернулось, да с каким размахом!

На этот раз кукла была конфискована полицией во время облавы на курильщиков опиума, проведённой в китайском квартале и других менее известных цивилизованному читателю заведениях. Во время чистки одного из таких притонов и была найдена красивая кукла, вид которой ничуть не соответствовал облику злачного места. Полицейский, который нашёл куклу, подивился её красоте и качеству: игрушка выглядела так, будто только-только сошла с витрины самого дорогого магазина для девочек. Поскольку детей у этого достойного слуги закона не было, он решил передать куклу в сиротский приют имени св. Ипполиты, где, он не сомневался, кукла обретёт для себя дом и новую маленькую хозяйку.

Его доброе намерение было исполнено. И только чудо спасло всех маленьких обитателей приюта от того, что последовало дальше…

Чудо заключалось в благоразумии начальницы приюта, миссис Бигхарт, которая, получив щедрый подарок из рук полицейского, предпочла сначала отнести куклу к себе домой, чтобы, как она выразилась, «показать игрушку своей дочке». В детской у маленькой мисс Бигхарт проживали не менее пятидесяти разнообразных кукол, однако девочке так понравилась бывшая узница китайской опиумокурильни, что она изъявила желание на ночь взять её с собой в постель.

Поздно ночью бедная малышка проснулась от жуткого ощущения: что-то сидело у неё прямо на груди. Открыв глаза, мисс Бигхарт увидела куклу, которая, будто кошка, вскарабкалась на свою спящую хозяйку и теперь вглядывалась ей в лицо.

«Где моя подружка? – спросило это исчадие. – Ты не моя подружка! Ты – не – она!»

Потом кукла вскочила на ноги, принялась подпрыгивать и кричать какое-то слово, наверняка заклинание на её собственном потустороннем наречии: «Соратян! Соратян! Соратян!»

Девочка завизжала от ужаса и потеряла сознание. Родители, вбежавшие в спальню своей крошки, застали там ужасное зрелище: все пятьдесят кукол маленькой мисс валялись на полу обезглавленными. Кроме одной, которая снова бесследно исчезла…

Теперь наш читатель скажет: эй, вы нарочно придумываете эти байки, чтобы привлечь зевак! Пусть это восклицание будет на его совести. Наш корреспондент лично побывал в спальне мисс Бигхарт и видел её обезображенных кукол. Ребёнок просто не мог сделать это сам. Похоже, что ночные кошмары иногда оборачиваются вовсе не кошмарами, а страшной реальностью…

Наш корреспондент также пытался получить комментарий о данном событии у главного кукольного мастера Злондона, совладельца предприятия «Морган и Хилл», однако от интервью маэстро отказался.

Призываем вас быть осторожнее и ни в коем случае не приносить в дом вещи, которые вы нашли на улице. Они могут оказаться гораздо опаснее, чем кажутся с виду.

– Ну и что? – спросила Козетта, дочитав статью. – Обычная газетная утка. Уж мы-то с тобой ходячих кукол не боимся, правда?

– Ты что, не поняла? – Сора посмотрела на неё снизу вверх горящими, испуганными глазами. – Это же Хина! Это статья о Хине!

– Гм. – Только и сказала Козетта. – А я думала, твоя кукла не живая. Ну, в смысле, она не разговаривает, не травмирует других кукол и всё такое.

– Раньше так и было, – Сора говорила медленно, будто каждое слово давалось ей с трудом. – Но ведь я бросила её, оставила у того китайца. Обменяла на прыгающую ногу… И он что-то с ней сделал.

– Китаец?

– Да.

– Думаешь, это он её как-то оживил?

– Верно. И теперь она ищет меня, – заключила Сора, обняв себя руками за плечи.

«Бред», – решила Козетта.

– Да с чего ты взяла? – вслух спросила она.

– А что, разве не понятно? «Где моя подружка», «Сора-тян»… Она точно хочет меня найти, просто не знает, как.

Козетта вздохнула.

– А ты помнишь, что Хина – это просто кукла, а настоящая Хина, которая была твоей подругой, уже умерла? Причём давно?

– Помню, – сказала Сора, – но эта Хина тоже была мне дорога.

– Только в память о подруге.

– Нет.

Спор затянулся. Сора настаивала на том, чтобы немедленно вернуться в Злондон и броситься на поиски куклы-Хины, Козетта взывала к её благоразумию и уверяла, что в Злондон возвращаться нельзя ни под каким видом. В итоге здравомыслие победило, а Сора недовольно согласилась с доводами Козетты. Но с тех пор она снова замкнулась в себе и стала такою, как сейчас.

Зимой газеты в Ковентри не поступали совсем, и Козетта была рада этому обстоятельству. Она не сомневалась, что к весне Сора оправится, но даже если и не оправится, следовало брать её за шиворот и везти за границу. Девчонка совсем высохла из-за этой ерунды с куклами и, как подозревала Козетта, тщательно скрываемой тоски по одному юноше с чёрными волосами и смуглой кожей.

– Ну не хочешь баранины, сделаю тебе омлет! – миролюбиво предложила Козетта, оторвавшись от своих воспоминаний.

Бледное личико Соры чуть прояснилось:

– Спасибо.

– Не стоит благодарности…

В этот самое время в прихожей зазвонил звонок. Чертыхнувшись, блондинка принялась искать чистое место на фартуке, чтобы вытереть руки, а потом быстро сняла фартук, скомкала и швырнула его в угол.

– Иду! – Крикнула она. – Подождите минуту!

Но загадочный визитёр не дождался. После себя он оставил только потёртую золотую туфельку, спокойно лежащую на белой поверхности снега, засыпавшего крыльцо. И следы, ведущие далеко от дома.

Глава 4

Бен

Дорогая Мартина!

В зеркале отражалось нечто, имеющее самое отдалённое сходство со мной. Те же глаза, волосы, нос, но – что за наряд? Что за нелепая мимикрия под жителя Нового света, которым я никогда не являлся?

Одни только кожаные брюки стоили того, чтобы посвятить им отдельное эссе, полное звучных эпитетов. Ни один из известных мне достопочтенных людей не позволил бы себе нарядиться в этот убогий наряд, годный только для пастухов. Я был сам себе отвратителен, и только насмешники-близнецы хором уверяли меня, что теперь я выгляжу по-настоящему мужественно.

– Ты будешь отлично смотреться в седле! – вскричал Жан, в то время как его сестра прыскала в ладошку.

Это заявление повергло меня в настоящий ужас, ведь я никогда в жизни не ездил верхом. Неужели эти бессовестные люди и впрямь собрались водрузить меня на лошадь? Впрочем, после их уверений, что они за одну ночь каким-то образом перенесли меня с острова на континент, я уже ничему сильно не удивлялся.

Как бы тебе это объяснить, Мартина… Я до сих пор не верил, что те люди, которых я вижу подле себя, те ощущения, которые я испытываю, те запахи и звуки, которые я слышу, – это не иллюзия. Я знал, что подвержен тяжёлой нервной болезни, но всё-таки не отождествлял ещё с сумасшествием. Теперь же по всему выходило, что я или на самом деле совершенный безумец, которому грезится всё происходящее, или я нормален, но тогда безумны все вокруг. Ибо городишко под названием Нью-Ковентри, в котором я теперь находился, никак не мог быть частью Америки, ведь от Злондона, где я был ещё вчера, и до Америки, в которой я якобы оказался сегодня, долгий путь через океан. Этот путь невозможно проделать за несколько часов, как ни старайся. Это просто невообразимо. А если учесть, что подробности перемещения полностью стёрлись из моей памяти, то… похоже, я всё-таки действительно сумасшедший.

А раз так, то мне не стоит принимать близко к сердцу всё, что происходит вокруг меня. Если странные близнецы, являющиеся плодом моего больного воображения, захотели переодеть меня в этот цирковой костюм, – пожалуйста! Я не буду сопротивляться. Если они же хотят заставить меня ехать куда-то верхом, – как угодно! Я подчинюсь. С видениями лучше не спорить, чтобы они не привели меня к мозговой горячке. Я буду покорен, осторожен и практически нем.

– А чего ты всё молчишь? – Наглый мальчишка Жан тут же прерывал мои размышления. – Скажи что-нибудь. Нравится наряд?

Я промычал что-то маловразумительное, с отвращением разглядывая в тусклом зеркале бахрому на брюках.

– Ты совсем не похож на индейца, – вздохнула Жанна.

– Так он и не индеец! – тут же вмешался её брат. – Тебя послушать, так кого попало можно принимать в племя!

– Вы тоже не похожи на индейцев, – сказал я, чтобы остановить эту перепалку.

Близнецы моментально насупились.

– Это потому что мы одеты неправильно! – после минутной паузы заявила рыжеволосая девица. – Вот доберёмся до… места, там переоденемся и станем настоящими индейцами!

– До какого ещё места? – я честно собирался молчать, но, оказывается, даже безумцам бывает свойственно любопытство.

– А вот это тебе знать не обязательно! – с отвратительной важностью ответил её брат.

Я кивнул и сделал равнодушное лицо.

Мы по-прежнему находились в амбаре, только теперь был день. Меня не выпускали наружу, требуя, чтобы я переоделся. Не то чтобы мне так уж хотелось разгуливать по неизвестной и, возможно, опасной местности в пижаме, но я сопротивлялся, до последнего надеясь, что видения развеются и я снова окажусь в своей палате, в своей постели возле шкапчика с лекарствами. Но ничего подобного не произошло.

Куница с рассветом куда-то подевался, а близнецы, всучив мне тюк с одеждой и отправив переодеваться в ближайший угол, устроили себе нечто вроде завтрака: расположились прямо на полу, скрестив ноги как настоящие дикари, достали откуда-то сумку, в которой лежал хлеб и сушёное мясо, набрали в кружки воды из ведра и с аппетитом принялись уминать эту нехитрую снедь.

Вынужден признаться, что при взгляде на это дикарское пиршество у меня самого забурчало в желудке (прости, Мартина, что я снова пишу тебе о столь низменных материях). Последний раз я принимал пищу накануне вечером, не очень поздно, так что успел сильно проголодаться. Услышав мерзкий звук моего желудка, юноша Жан помахал мне рукой и довольно-таки дружелюбно попросил меня присоединиться к завтраку. Я было сказал, что не желаю есть, сидя на полу, но побоялся остаться без еды и вынужден был поступиться своим достоинством. На какие жертвы толкает нас вынужденная необходимость, Мартина!

Впрочем, признаю, что хлеб из кукурузной муки неожиданно оказался весьма вкусным, а вяленая говядина довольно легко жевалась. Я привык запивать еду чаем или кофе, но тут пришлось удовольствоваться простой холодной водой. Оставалось надеяться, что такая импровизированная трапеза не грозит мне несварением желудка.

Близнецы объяснили мне, что сейчас зима, поэтому рассветает поздно. Что ж, в Злондоне, который я видел из окна лечебницы ещё вчера утром, тоже была зима. Хорошо, что в мире осталась хоть какая-то стабильность. Когда в единственное окно, крошечное, расположенное прямо над входом, проник белёсый луч тусклого зимнего солнца, в дверь неожиданно постучали. Раскатистый мужской голос громко спросил:

– Эй, малыши, вы там? Всё в порядке, волчата? Чего заперлись?

– Входите, мистер Томсон! – весело крикнула в ответ Жанна.

Я испуганно подобрался. Дверь распахнулась в полную мощь, будто её едва не сорвало с петель ураганом, и в проходе показался великан. Он успел сделать несколько неторопливых шагов нам навстречу, от которых сотрясалось всё строение, прежде чем я разглядел его.

Это был мужчина лет пятидесяти с красным, сильно обветренным лицом и полуседой бородой с бакенбардами в придачу. На нём были высокие сапоги, куртка из дублёной кожи с меховым воротником и… шляпа с низкой тульей и небольшими полями. Из-под шляпы выглядывали мясистые, почти багрового цвета уши.

Разглядев меня, незнакомец хмыкнул, вроде бы и удивлённо, но при этом с симпатией. Он вразвалочку подошёл ко мне и протянул мне ладонь, широкую, как теннисная ракетка.

– Джек Томсон! – пророкотал он.

Я запоздало сообразил, что руку следует пожать.

– Бенедикт Лиховски, – назвался я.

– Полячишка? – подмигнул мне великан.

– Эээ… нет. Англичанин. – Покоробленный такой бесцеремонностью, я не сразу нашёлся с ответом.

– О, земляк, значит! Да ты не тушуйся. Мы тут все неместные. Ну, кроме меня, – великан со значением поднял одну косматую бровь. – Я, конечно, по крови-то англичанин, но родился уже здесь. Сын первых поселенцев! – гордо произнёс он и самодовольно ухмыльнулся.

Я снова не знал, что на это ответить. Но этот пренеприятный господин и не ждал от меня никакой реакции. Сложив громадные ладони на объёмистом брюхе, он снова заговорил:

– Мои папенька с маменькой и основали здесь город. Сами-то они были из Ковентри – знаешь, где это? Это такая дыра неподалёку от Злондона, крохотный городок, но почти с тысячелетней историей. Скучно там было, заняться нечем. Вот папенька мой и взял маменьку в охапку, погрузил на пароход и привёз сюда.

– Зачем? – вырвалось у меня.

– Спрашиваешь! Тут такие пахотные земли, что островитянам и не снилось! Да и погода не в пример лучше. Вот сейчас, например, зима, в Злондоне адская слякоть. А у нас тут солнечно, снежок. И не очень-то морозно. А летом какая красота! – великан восхищённо покачал головой. – Я, правда, в других местах и не был, но папенька всегда говорил, что наш Нью-Ковентри – это рай на земле. Вот только скучали они с маменькой по родному городу… До самой смерти скучали! – завершив эту сентенцию, Джек Томсон вдруг начал часто моргать и сморкаться. Видимо, воспоминание о родителях всколыхнуло в нём нежные чувства, которые иногда проявляются в душах даже таких невежественных и грубых людей.

– Мистер Томсон, мы сходим прогуляемся! – рыжая Жанна без всякого сочувствия прервала всхлипывания здоровяка.

– Идите, – махнул рукой владелец амбара, – ваш главный договаривается с Никсонами о лошадях, он велел передать вам, чтобы далеко не забредали.

– Мы только окрестности Бену покажем! – кивнул Жан.

После чего они взяли меня за обе руки, как какого-нибудь немощного старичка, и поволокли к выходу.

…Ну… что я могу сказать тебе, Мартина… Это определённо был не Злондон, и даже не пригород Злондона. Это отличалось от всего, что я видел прежде.

Насколько я мог судить по первым впечатлениям, весь городок Нью-Ковентри состоял из одной улицы – правда, длинной и широкой. На улицу выходили высокие дощатые фасады в три или даже четыре этажа, за которыми прятались бревенчатые дома значительно меньшего размера. Более несуразной архитектуры я ещё никогда не видел.

Все фасады были примерно одинаковыми. На некоторых красовались вывески «Лавка», «Цирюльня», «Аптека», за самым большим фасадом скрывалось заведение под названием SALOON. Земляную улицу между ними покрывал тонкий слой снега со следами сапог и копыт, отовсюду слышался смех и голоса, из многочисленных труб вырывался и уходил в бледное небо голубоватый дым. Солнце висело низко над горизонтом, но играющие неподалёку дети – мальчик и две девочки – с радостью протягивали ладошки ему навстречу и заливисто хохотали.

Но меня поразило не это. Я попытался заглянуть в просвет между домами и увидел, что позади каждого здания есть огород и парочка подсобных строений. А дальше, позади всего этого, было Ничто. Я не видел горизонта, не видел земли, кроме белого, равнодушного и пугающего Ничто.

– Здорово здесь, правда? – с удовольствием заметил Жан, на этот раз неправильно прочитав мои мысли.

– Вообще отлично! – поддакнула ему Жанна. – Такой простор! Даже зимой скучать не приходится. Старый Томсон предлагал нам купить или построить здесь дом, но Куница сказал, что надолго мы здесь не задержимся…

– Почему? – машинально спросил я.

– Много будешь знать – скоро состаришься! – фыркнул Жан.

Но теперь я кое-что понял, а точнее, догадался. Поэтому возразил малолетнему наглецу:

– Просто ты сам не знаешь, куда потащит вас этот ваш предводитель. И не делай вид, что знаешь.

– Очко в пользу Бена! – воскликнула Жанна, вскидывая кверху обе руки.

– Неправда! – тут же разъярился мальчишка. – Я знаю, куда мы отправимся! Во всяком случае, я точно знаю, зачем!

– И зачем? – поинтересовался я.

Я был уверен, что он снова попытается от меня отделаться, но в запальчивости Жан проговорился:

– Чтобы найти нашу маму, вот зачем!

Сестрица тут же дала ему подзатыльник.

– Ну ты и трепло, Жан!

Мальчик надулся и замолчал. Я же был в недоумении: какую ещё маму?

– А где ваша мама? – осторожно спросил я у Жанны.

Но она не ответила. Вместо неё отозвался братец:

– Где-то здесь, – буркнул он.

– в Нью-Ковентри?

– В Америке.

– Хм, – отозвался я.

Вот и ещё одно доказательство того, что вся эта ерунда происходит только у меня в голове. Пожалуй, иголку в стогу сена отыскать значительно проще, чем женщину на целом континенте. Но даже если допустить, что близнецы действительно разыскивают свою мать, то при чём здесь Куница?

– А почему Куница ищет вашу маму? – снова спросил я.

– А ты не много ли вопросов задаёшь? – ощетинилась Жанна. – Значит, надо так! Он нам обещал!

– И больше мы тебе ничего не скажем! – твёрдо заключил Жан.

Близнецы замолчали и демонстративно от меня отвернулись. Я тоже замолчал, чувствуя, что холод начинает добираться до меня даже сквозь толстую кожаную куртку. Руки покраснели, и я поскорее сунул их в карманы.

Пошёл снег тонкой меловой крупкой. Я запрокинул лицо и вгляделся в молочную белизну неба. Принюхался: пахло дымом, чуть-чуть лошадями и какой-то почти невообразимой свежестью ветра, снега, простора…

– Что вокруг города? – я повернулся к Жану, стоящему ко мне в пол-оборота. – Или об этом я тоже не могу спросить?

Юноша (наверное, правильнее называть его мальчиком, ведь на вид ему было всего лет пятнадцать) неохотно ответил:

– Сам видишь, что ничего. Снег…

– Летом трава, – сказала Жанна, – много травы.

– Равнина? – догадался я.

– Бескрайняя, – кивнула Жанна, – можно долго-долго бежать по ней и не увидеть ни одного домика. Даже если целый день бежать. Даже если два дня.

– Жутковато, наверное, – промолвил я. Мне и в самом деле было от этого жутковато.

– В городе лучше, – согласилась девушка. – Даже в таком маленьком, как Нью-Ковентри.

– И вы не хотите никуда отсюда уезжать…

– А вот и хотим! – Жан снова вскинулся. – Не разговаривай с ним, Жанна! Куница знает, что делает!

– Вот именно! – Жанна вздёрнула подбородок. – Мы сюда не за тем приехали, чтобы в городе сидеть! Куница всё знает лучше!

Их вера в предводителя была по-своему даже умилительна, но я всё ещё не понимал, каким образом происходящее может касаться меня.

– А я-то вам зачем понадобился?

Близнецы промолчали, смерив меня недовольными взглядами. Но теперь я почти не сомневался в своей правоте: они сами понятия не имеют, зачем их главнокомандующий распорядился доставить меня сюда, в Нью-Ковентри. Они просто каким-то образом перенесли меня через океан, да так, что я ничего не почувствовал…

Ох, ни в коем случае нельзя забывать о том, что всё происходящее мне просто грезится. Иначе я рискую поверить в эту дикую реальность и запутаться в ней.

Но свежий воздух был упоителен, солнце, светившее сквозь пелену, всё-таки было ярче серого злондонского солнца, а мои спутники, несмотря на кажущуюся неприветливость, могли сойти за персонажей романа.

Я решил стать героем собственного повествования и пройти все препоны так, как сделал бы это созданный мною главный и любимый герой. А тем временем мне, наверное, подберут новое лекарство.

Глава 5

Миранда

Утром мне поспать не дали, нечего было и надеяться. Сначала Кривуля заворочалась в своём углу, потом в дверь постучали.

– Ну кто там ещё? – разлепив глаза, прикрикнула я.

– Миранда, вставай, – это была Бетани, горничная, – тебя хочет видеть хозяин.

– Какой именно?

– Мистер Хилл.

Да уж, отлично начинается новый день! Не далее как сегодня ночью я уговаривала Ли Моргана отправиться спать и не занимать время мистера Хилла, а теперь, похоже, я буду уговаривать мистера Хилла не мешать распоряжениям мистера Моргана. Да что это за служба у меня такая?!

Партнёры Морган и Хилл весьма необычно разделили своё предприятие на сферы влияния. Днём всем распоряжался мистер Ли, ночью наступало время кукольника. При этом мистер Хилл требовал, чтобы ночью по дому никто не шатался: это-де мешает ему проводить эксперименты у себя в мастерской, а днём правление совместным предприятием переходило в руки Ли, который взял со всех слуг-людей расписку, что в светлое время суток они обязуются не выполнять никакие просьбы и приказы мистера Хилла. Само собой разумеется, что слуг-кукол нельзя было ни подкупить, ни убедить: все они подчинялись только своему создателю.

И вот, начинается новый день, и меня сразу же вызывают в покои мистера Хилла. Судя по договоренности с мистером Ли, я должна была отказаться. Но по своему опыту я знаю, чем чреваты такие отказы, поэтому решила всё-таки навестить моего второго хозяина и узнать, что ему нужно. Наверняка мистер Ли даже ещё не проснулся.

Я переоделась в своё обычное платье, которое носила каждый день, и собрала волосы в узел на затылке. Сунула ноги в туфли. Раньше я любила ходить босиком, но теперь… неважно. Теперь я стала другой.

Велев Кривуле оставаться в комнате и вести себя хорошо, я взяла свечу (было всё ещё довольно темно) и отправилась в длинный путь по лестницам и коридорам. Мне предстояло спуститься по чёрной лестнице, пересечь холл, потом подняться по главной лестнице на третий этаж и там, поплутав ещё немного по комнатам, зайти наконец в Святая Святых – мастерскую мистера Хилла.

Этой комнаты я всегда немного побаивалась. И хотя я твёрдо знала, что ничего по-настоящему ужасного там не происходит, заходить в неё лишний раз мне не хотелось. А ведь я была единственной из людей, кому, хоть и со многими оговорками, было дозволено посещать этот храм науки и искусства.

Когда я вошла, мастерская сразу сжала меня в объятиях своей душной и магической атмосферы. Здесь не было ни одного окна, а освещение мистер Хилл предпочитал всякий раз разное: иногда он работал при электрическом свете, иногда при газовом, а бывало, что и при свечах. Сейчас в комнате было очень сумрачно, а яркая электрическая лампа освещала лишь рабочий стол, на котором, уронив голову на скрещенные руки, полулежал хозяин мастерской – мистер Хилл.

Всё остальное тонуло в тени.

– Мистер Хилл? – я притворила дверь и несмело сделала несколько шагов. – С вами всё хорошо?

Краем глаза я разглядела стоящую позади стола огромную куклу – девушку со светлыми вьющимися волосами, одетую в чёрное платье со множеством оборок. Эта особа была хорошо мне знакома, ведь когда-то именно она привела меня в этот дом. Мне тогда было тринадцать, и больше всего на свете я хотела сбежать… Кто бы мог подумать, что через два года ненавистный дом станет мне настоящим, родным домом? Удивительная прихоть судьбы!

Но сейчас Чёрная Долли не двигалась. В ней больше не было души. Мистер Хилл перестал занимать её тело и переселился в другое, более подходящее. Сейчас он жил в кукольном теле пожилого дворецкого по имени Валентин, и это его седая голова лежала на столе, будто мастер-кукольник погрузился в сон. Но я-то знала, что мистер Хилл никогда не спит – не может спать с тех пор, как перестал быть человеком.

– Хозяин? – повторила я, осторожно касаясь его плеча, упругого, как человеческое.

Плечо недовольно дёрнулось.

– Вам что-то… принести? – предположила я.

Фигура сидящего мужчины зашевелилась, руки разомкнулись, голова приподнялась, уста исторгли из себя горестный вопль:

– Он что-то замышляет!!!

– Кто?

– Ли! – мистер Хилл повёл плечами, обнаружив невероятную для старика гибкость. – Он хочет сорвать мой Новогодний бал!

На меня хозяин так и не посмотрел. Я вздохнула.

– Вы ошибаетесь, мистер Хилл. Мистер Морган – коммерсант, он никогда не упустит возможную прибыль, а ведь все билеты на бал давно раскуплены – и за огромные деньги! Зачем ему срывать это мероприятие?

Мистер Хилл откинулся в кресле и комично нахмурился. Это выглядело одновременно смешно и жутко: детское капризное выражение на породистом, немного обрюзгшем от возраста лице старого дворецкого. Я стояла рядом, сложив руки на поясе, как достойная служанка, и старалась поменьше бросаться в глаза.

– Зачем он вызывал тебя сегодня ночью? – спросил мистер Хилл, вперив в меня исполненный подозрений взгляд. – Вы что-то с ним замышляете?

– Да нет же, хозяин! – Предположение было дикое. – Мистеру Моргану просто не спалось, он решил посидеть в гостиной. Я спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, а потом проводила его до спальни.

– И что ему было нужно? – С той же интонацией вопросил мистер Хилл.

– Ничего, – ответила я. – Он ни о чём меня не просил.

– Хм, – мистер Хилл отвернулся, и я решила, что разговор окончен.

– Я могу идти, хозяин? – произнося эти слова, я уже сделала шаг к двери.

– Не можешь, – мистер Хилл вдруг повернулся ко мне, и от неожиданности я застыла на одной ноге, занеся другую для шага назад. – У меня к тебе будет одно поручение.

– Но, мистер Хилл, – пролепетала я, – вы же знаете, что мистер Морган взял с меня обещание, что я не буду выполнять ваши приказы днём. Если вам угодно, сегодня ночью я…

– Милая Миранда! – губы старика растянулись в улыбке, которая у ребёнка получилась бы очаровательной и невинной, а на лице пожилого смотрелась как гримаса безумия. – Я говорю сейчас с тобой только по одной причине. Уверен, ты знаешь, по какой именно.

– Нет, – сказала я, и это было правдой.

– А причина такова: ты единственная в этом доме, кому я полностью доверяю. Единственная. Полностью. Понимаешь?

– Мне это очень лестно, сэр, – пробормотала я, хотя это заявление мне совсем не понравилось.

Мистер Хилл кивнул.

– Понимаю, дорогая. Именно поэтому я могу дать это поручение только тебе, и только в тайне от Ли. Это очень важно.

– Я слушаю вас, сэр.

– Ты должна следить за моим партнёром, – вкрадчиво проговорил хозяин, – я уверен, что он строит мне козни. Выясни, какие именно.

– Но сэр!..

– Это всё, что я хотел тебе сказать, дорогуша. А теперь ты можешь заняться своими делами.

Возвращаясь обратно, я не чуяла ног под собой. Хорошенькое задание, нечего сказать! Шпионить за мистером Ли! Да он меня за такие дела просто вышвырнет на улицу: как-никак, а особняк ему принадлежит. И куда же я пойду?

И отказаться нельзя… Мистер Хилл знает про меня кое-что, чего не знает Ли Морган. Не то чтобы это была страшная тайна, нет, но я старалась не болтать о своих способностях. В какой дом возьмут служанку, которая мало того, что бродит по ночам, так ещё и способна в своём лунатическом состоянии открыть любую дверь и зайти в любую комнату? Дураков нет.

Я не хотела покидать мистера Ли и мистера Хилла. Я не хотела расставаться с Театром…

Вход в театр «Фантасмагория» располагался с противоположной стороны особняка. Ещё два года назад на его месте был жалкий отель «Верёвочка», но теперь все помещения в нём полностью перестроили, перегородки между комнатами снесли, холл расширили, превратили убогое крыльцо в роскошный подъезд и даже крошечный садик облагородили: засадили экзотическими растениями, половина из которых, правда, не прижилась. Теперь со своей парадной стороны театр выглядел столь помпезно, что я робела к нему приближаться. К счастью, в театр можно было попасть и другим путём: через незаметную дверь на площадке второго этажа, которую я обнаружила не сама: мне любезно показал её мистер Хилл.

Когда я спустилась в кухню на завтрак, Бетани сообщила, что хозяин Ли, вопреки своему обыкновению, уже проснулся и отбыл в театр. Меня это не обрадовало: Ли Морган обожал понежиться в постели и никогда не вставал затемно. Да и в театре он бывал нечасто, предпочитая решать все финансовые вопросы в жилой части особняка…

Пожалуй, настал именно тот момент, в котором шпиону полагается встать на тропу охоты. От этой мысли меня буквально перекосило. Ну что за глупость – следить за мистером Ли! И подло, и противно.

Я быстро сжевала тост с сыром и запила его обжигающим чаем, забыв добавить сахару. Пожалуй, я всё-таки наведаюсь в театр. Не следить за хозяином, конечно, а просто так: разведать обстановку. Никто не удивится моему приходу, никто меня даже не заметит.

Я хорошенько вымыла руки и лицо, пригладила платье, проверила, не торчат ли волосы, и поспешила на второй этаж, к потайной дверце.

Особняк будто принадлежал к двум разным мирам. В первом, на жилой половине, были чистенькие, но скучноватые интерьеры, минимум украшений и ровным счётом ничего примечательного. Второй мир отличался от первого, как плитка шоколада отличается от ломтя хлеба. Это был мир, в котором возможно всё: мир, созданный мистером Хиллом.

Здесь главенствовали три цвета: чёрный, лиловый и золотой. Даже простой коридор, которым я шла к зрительному залу и в котором никогда не бывают зрители, был обит тканью с золотыми и фиолетовыми разводами. Освещение здесь было электрическое, но скрытое: казалось, что светятся сами стены. Причём свет шёл снизу.

Коридор завершался дверью (дуб и витражное стекло), которая выходила в ещё один коридор, более длинный и широкий. Номера для постояльцев отеля «Верёвочка» были превращены в гримёрные комнаты для артистов, а зрительный зал теперь помещался в бывшем

ресторане. Впрочем, всё было переоборудовано с таким мастерством, что даже самый внимательный глаз не разглядел бы в роскошных интерьерах театра его гостиничное прошлое.

В холл я не стала спускаться, так как была уверена, что там никого нет. Диваны на золочёных ножках, обитые фиолетовым бархатом, пустуют, в высоких зеркалах не бродят ничьи отражения. И свечи не горят: по прихоти мастера-кукольника холл в любое время суток освещался только при помощи свечей в вычурных канделябрах. Дрожащий, рассеянный свет подогревал любопытство зрителей и придавал всему происходящему оттенок инфернальности.

Раньше в помещение, где теперь располагался зрительный зал, можно было пройти через холл. Сейчас для этой цели предстояло проделать более длинный путь: сперва подняться на один пролёт, затем спуститься. По бокам лестницы, отделанной мрамором, стояли подсвечники; они находились буквально на каждой ступеньке. Гостям приходилось подниматься и спускаться с величайшей осторожностью, чтобы не подпалить себе платья. Удивительное дело, но это очевидное неудобство ещё больше будоражило публику.

Порадовавшись, что в настоящий момент коварные свечи не горят, я всё равно подобрала подол повыше и засеменила по лестнице. Хозяин Ли, как я ожидала, оказался в зрительном зале.

Зал, побывавший в прошлом рестораном, был совсем небольшой по меркам столичных театров: всего 300 кресел. Сцена тоже была невелика, ведь при всех своих невероятных способностях мистер Хилл всё-таки не умел расширять пространство внутри уже построенных стен. Однако размеры театра вовсе не смущали его руководителей: при таком количестве мест газетные отзывы о «переполненном зале» вовсе не являлись преувеличением, а близость сцены позволяла зрителям хорошо разглядеть играющих на ней актёров, большинство которых не было людьми.

Сейчас сцена не пустовала: лиловый занавес был раздёрнут в стороны, а на гладком дощатом полу танцевали куклы. Единственный зритель – мистер Ли – сидел в самом центре зала и хмуро наблюдал за представлением.

Куклы-дети, одетые в яркие сумасбродные костюмы, отплясывали танец, пользующийся неизменным успехом у зрителей: сначала они выделывали антраша по-человечески, стоя на ногах, потом переворачивались вниз головой и ловко прыгали на руках, болтая ногами в воздухе, а напоследок стукались об пол головами и балансировали на макушках, причём всё это – не переставая улыбаться. Куклы были настолько похожи на живых детей, что зрелище получалось по-настоящему захватывающим. Всех этих детей, точнее, их человеческие копии я знала: не так давно мы делили с ними кров в одном и том же подвале. Это было здесь, в этом здании, только глубоко-глубоко внизу.

Я стала осторожно продвигаться между креслами, чтобы подойти к хозяину. Сначала я видела только его затылок, потом моему взору открылось красное, слегка оттопыренное ухо, потом пухлая щека и, наконец, Ли Морган предстал передо мной во всей своей угрюмой красоте.

– Хозяин Ли?

Юноша не повернул головы, только скосил глаза.

– Чего? – недружелюбно спросил он.

– Чем вы занимаетесь? – спросила я самым нейтральным тоном, какой мне только удалось воспроизвести.

– А тебе-то какое дело? Смотрю репетицию.

– Но куклы не нуждаются в репетициях, – заметила я.

– Значит, нуждаются. Эти мерзавцы… и мерзавки почти не слушаются меня, они подчиняются только Хиллу! – Ли ударил кулаком по подлокотнику и тут же сморщился от боли.

– Так ведь он их создатель, – я перевела взгляд на сцену, где куклы продолжали плясать, используя вместо точек опоры одну руку и одну ногу.

Ли ещё сильнее скривился.

– Вы можете попросить мистера Хилла, чтобы он научил вас командовать куклами, – сказала я. – Уверена, он не откажет, ведь вы с ним партнёры. Вообще вы двое, на мой взгляд, должны чаще общаться, чтобы между вами не возникало недоразумений.

– Наш союз – одно сплошное недоразумение, – пробурчал Ли.

Что ж, приходится признать, что мистер Ли настроен по отношению к мистеру Хиллу столь же подозрительно, как и мистер Хилл по отношению к нему. Как я ни пыталась примирить их со взглядами и методами друг друга – всё было бесполезно.

Но я не сдавалась!

– Мистер Хилл очень огорчён тем, что ему так и не удалось с вами подружиться, – беззастенчиво соврала я.

– Огорчён?! – Ли с возмущением уставился на меня. – Это он тебе так сказал? Вот лицемер!

На самом деле лицемерила я, так что бедный мистер Хилл получил оскорбление незаслуженно.

– Довольно с меня его увёрток! – хозяин было подпрыгнул, но кресло помешало ему разогнуть колени, так что он быстро приземлился обратно. – Миранда, мне потребуется твоя помощь.

Я разинула рот, собираясь возразить, но хозяин уже замахал руками, приказывая куклам разойтись. Музыка смолкла, детские фигуры остановились в самых безумных позах, потом медленно разогнулись и ещё медленнее, не сводя с мистера Ли насмешливых глаз, начали уползать за кулисы.

– Уродцы! – бросил Ли, оскорбив заодно и кукол.

Когда в зале остались только мы вдвоём, Ли Морган повернулся ко мне, сделал серьёзное лицо и тихо произнёс:

– Миранда, ты знаешь, как сильно я тебе доверяю?

– Нет, – упавшим голосом ответила я.

– Очень жаль, потому что моего доверия немногие достойны! – со значением промолвил хозяин. – Я ведь Морган, как-никак. Из тех самых Морганов.

– Я это помню.

– Вот и умница. Миранда, – Ли вдруг мягко взял меня за руку и потянул вниз, приглашая присесть рядом. Я неловко опустилась в кресло, – ты самая лучшая служанка в этом доме, и я знаю, как сильно ты мне предана…

Я попыталась кивнуть, но шею будто заело.

– … и поэтому я хочу дать тебе поручение, с которым не справится больше никто. Очень почётное, очень важное поручение!

– Какое? – обречённо спросила я.

– Ты должна узнать его секрет. Секрет создания живых кукол, – громким шёпотом проговорил Ли, вперяя в меня серьёзные голубые глаза. – Я должен овладеть этой тайной, чтобы сотрудничать с ним на равных!

Я отшатнулась.

– Но мистер Ли! Мистер Морган! Как я могу узнать то, чего не знает ни один человек на свете? Я ведь ничего не понимаю в механике!

– Вздор, – Ли беспечно отмёл моё возражение. – Просто проследишь за Хиллом. Он ведь пускает тебя к себе в мастерскую?

Легко ему говорить!

– Мне не нравится эта идея, хозяин, – твёрдо сказала я. – Мистер Хилл очень осторожен. Свои секреты он хранит как зеницу ока. Если он только почует, что я что-то вынюхиваю, мне не сносить головы. Подумайте, на что вы меня толкаете!

Золотоволосый юноша, до нелепости важный в своём кремовом пиджаке и лимонной жилетке, по-детски надулся:

– Интересно, а кто это должен сделать, если не ты, Миранда? Может, ты хочешь, чтобы я сам шпионил за Хиллом?

Да, было бы неплохо! Ох, мистер Ли, какой вы всё-таки себялюбец…

– Но я могу тебе помочь, – Ли снова понизил голос до таинственного шёпота. – Кажется, я знаю, где искать отгадки. Слушай внимательно…

Глава 6

Козетта

Чертыхаясь, она быстро шагнула обратно в прихожую, захлопнула дверь и стала искать пальто. Оно валялось под вешалкой: должно быть, Козетта сама смахнула его плечом, когда пробегала мимо. Поднимая и отряхивая пальто, одновременно девушка скидывала с себя туфли и нашаривала на обувной полке сапоги с меховой опушкой. Шапку решила не искать.

Тут ещё Сора выглянула в прихожую.

– Куда ты? – удивлённо спросила подруга.

– Пожарь сама себе омлет, ладно? – не отвлекаясь от своих занятий, крикнула Козетта. – И следи за бараниной, чтоб вода не выкипела. Не отходи от плиты, я скоро вернусь, пока.

Сора хотела ещё что-то спросить, но Козетте было некогда. Запахнув на себе пальто, она выбежала за дверь и тут же увязла в снегу. Крыльцо сегодня никто толком не почистил.

Цепочка следов вела за дом, мимо тропинки, поэтому Козетте пришлось ковылять по щиколотку в снежной пене. Голенища её модных сапожек тут же начерпали мокрого снега, и это отнюдь не улучшило девушке настроение. Она ругалась сквозь зубы и шла вперёд, торопясь, чтобы нагнать беглянку, пока следы не занесло.

Козетте пришлось перебираться через палисадник, превратившийся в один сплошной сугроб, и долго спускаться к реке, которая покрылась льдом ещё в ноябрьские праздники. Наконец, пройдя с четверть мили и совершенно запыхавшись, Козетта увидела то, что искала. У кромки зарослей ивняка, растущего в пойме, на снегу металась и подпрыгивала какая-то тень, издалека похожая на собачонку, вставшую на задние лапы. Но Козетта уже поняла, что это не животное. И не человек.

Существом, выманившим теплолюбивую Козетту из дома, была механическая нога. Изрядно обтрепавшаяся, она нервно подпрыгивала на одном месте. Когда девушка смогла подойти ближе, она убедилась, что нога подпрыгивала не просто так: на гладкой поверхности снега было старательно вытоптано одно-единственное слово:

Хина.

Козетта встала, чтобы отдышаться. Беготня по глубокому снегу ей совсем не понравилась, сапоги промокли и ступни в них уже начали ныть. Сердце быстро колотилось. Механическая нога стояла на снегу, обратившись мыском к Козетте, будто спрашивала: «ну что?»

– Откуда я знаю, что! – вслух огрызнулась Козетта. – Ты думаешь, я что-то могу понять из одного слова?

Нога слегка повела большим пальцем.

– На вот, – Козетта швырнула ей прихваченную с порога туфельку, – не ходи босиком. Размокнешь.

Нога благодарно впрыгнула в туфлю. Про «благодарно» Козетте почудилось, ведь читать мысли странного существа она не умела.

– Ты что, добралась сюда специально ради меня? – спросила Козетта. – Ты вообще меня слышишь? Понимаешь, что я говорю?

Нога подпрыгнула.

– Так, – Козетта спрятала озябшие руки в карманы, – давай объясняться на языке жестов, иначе я ничего не разберу. Пусть один прыжок будет означать – «да», и два прыжка – «нет». Я буду задавать вопросы, ты – отвечать. Договорились?

Один прыжок.

Ободрённая успехом, Козетта попыталась уложить все возникшие у неё вопросы в строгую логическую последовательность:

– Ты пришла… припрыгала в Ковентри специально для встречи со мной?

Один прыжок.

– Ты хочешь сообщить мне что-то важное?

Один прыжок.

– Это как-то связано с Хиной?

Один нетерпеливый прыжок.

– И что там с ней?

Нога завертелась на месте. Козетта не сразу поняла, что вопрос был сформулирован неправильно.

– Погоди, я спрошу по-другому. Кому-то угрожает опасность?

Один высокий прыжок.

– Опасность исходит от куклы по имени Хина?

Прыжок.

– И я должна как-то её предотвратить?

Прыжок.

– И какая мне от этого выгода?

Такого вопроса нога явно не ожидала. Она затопталась, как смущённый щенок, но Козетта перестала на неё смотреть. Она размышляла.

Возвращаться в Злондон сейчас, в праздничные дни, когда повсюду полным-полно полиции – абсурд! С другой стороны, Сора ведь так и продолжит киснуть от переживаний из-за своей треклятой куклы и мотать Козетте нервы. Это всё понятно. Непонятно другое: как попасть в Злондон. Все дороги занесены снегом, отсюда просто не выбраться!

– А ты-то как сюда попала? – раздражённо спросила Козетта.

Снова некорректный вопрос. Но нога честно попыталась ответить: она прыгала, рисуя на снегу какие-то каракули, а Козетта наблюдала за ней, сжимая в карманах кулаки.

Наконец, ситуация прояснилась.

– Значит, поезд, – кивнула девушка. – Что ж, это резонно: раз провизия поступает в Ковентри, значит, железную дорогу чистят от снега. Но я что-то не уверена, что пассажирские поезда ходят зимой. Ты приехала на товарном?

«Да!» – радостно подпрыгнула нога, довольная, что не надо объяснять.

– Угу… – задумчиво протянула Козетта. – Товарный поезд… Кто ж нас туда пустит? А никто…

В задумчивости она поджала губы. Нога замерла, словно боялась спугнуть мыслительный процесс.

– Ладно, – помолчав минуту, проговорила Козетта, – я попробую что-нибудь предпринять. А ты… чёрт, нам надо придумать какой-то способ нормально общаться… как тебя звать хотя бы? У тебя есть имя?

Нога с готовностью снова принялась прыгать по снегу, вытаптывая слова. Козетте снова пришлось ждать, что привело её в ярость. Она ненавидела тратить время на ожидание.

Слово, написанное на снегу, было «Люси».

Ощущение промокших ног в меховых сапогах – самое мерзкое ощущение на свете. Козетта раздражённо ковыляла по снежной каше, пробираясь к железнодорожной станции. Несмотря на почти ежедневные снегопады, пути действительно были расчищены, чего нельзя было сказать ни об одной дороге в Ковентри.

На станции было тихо, как в склепе. Пожилой смотритель дремал за своим бюро, деревянные лавки для пассажиров были пусты и даже успели запылиться. Это и неудивительно: последний пассажирский поезд ушёл из Ковентри ещё в начале ноября, больше месяца назад.

Козетта затопала ногами, отряхиваясь, закашляла, привлекая к себе внимание. Смотритель недовольно поёжился, хрустнул плечами, открыл сперва один, и лишь через минуту другой глаз.

– Что вам, мадам?

– Когда ближайший поезд до Злондона? – не тратя время на церемонии, спросила Козетта.

Смотритель недоумённо вздёрнул кустистые брови.

– Весной, мадам.

– А пораньше? Может, какой-нибудь товарный?

– Через шесть дней, мадам. Но вы не сможете уехать на товарном поезде, он не приспособлен для перевозки пассажиров, там нет никаких удобств, – смотритель снисходительно посмотрел на злое личико Козетты и добавил: – Не переживайте, мадам, ничего страшного не случится.

– Откуда вы знаете? – рявкнула Козетта.

– Я надеюсь, мадам, – совершенно искренне ответил смотритель. – Что бы ни произошло, из Ковентри до весны никому не выбраться. Вы ведь знали это, когда принимали решение снять здесь дом? Наш город славится уединённостью, это главное его достоинство…

– Но мне нужно выбраться! – упорно повторила девушка. – Просто смешно в нашем-то прогрессивном веке не иметь надёжных средств передвижения!

На это заявление смотритель отвечать не стал, только равнодушно пожал плечами. Но Козетту такая реакция ещё сильнее взбесила.

– А вы тогда зачем тут торчите? Чем занимаетесь?

Смотритель ужасно оскорбился.

– Я вас попрошу, мисс! Я охраняю имущество, принадлежащее городу Ковентри!

– Какое ещё имущество? Деревянную лавку? – презрительно расхохоталась Козетта.

– А вот это! – смотритель ткнул пальцем куда-то в направлении рельс.

Козетта повернула голову и увидела какое-то угловатое сооружение с колёсами, разместившееся прямо на путях.

– Это что ещё за обломок паровоза?

– Это не обломок чего бы то ни было, – у смотрителя от возмущения затряслись усы, – это механическая дрезина!

– Дрезина?.. – Козетта округлила глаза. – На ручном управлении?

– Разумеется, на ручном! Это единственное значимое имущество, принадлежащее нашей станции, и администрация повелела мне его охранять от всяких бездельников, желающих покататься по железной дороге! – Смотритель зачем-то снял фуражку, пригладил обрамлённую седыми кудрями лысину, потом снова нахлобучил головной убор и с вызовом посмотрел на Козетту.

Но Козетта, совершенно успокоившись, смотрела мимо него.

– А скажите, далеко отсюда до Злондона? Если в милях? – задумчиво спросила он, сменив тон на дружелюбный.

Смотритель заморгал.

– Более тридцати миль, мадам. Путь недалёкий, но в такую погоду…

– А скажите, – не дослушав, продолжала Козетта, – ваша дрезина достаточно надёжна, чтобы проехать тридцать миль в одну сторону?

– Это очень странная мысль, мадам! Я никогда не испытывал имущество станции на таких расстояниях и никому не позволил бы это сделать!

– Понятно, – кивнула Козетта и улыбнулась, – что ж, спасибо за информацию.

Она уже собиралась уходить, когда смотритель закричал ей вслед:

– Мадам, я предупреждаю вас, что никому не позволю похитить имущество! Пока я здесь, ни одна мышь не проскользнёт мимо меня!

– Это хорошо, – сказала Козетта, – а до скольки часов вы сегодня работаете?

– До семи вечера, как и всегда, мисс!

– Ну в таком случае до свиданья. Вряд ли мы скоро увидимся.

Вернувшись домой, Козетта первым делом скинула размокшие сапоги и тут же принялась стаскивать чулки. Выглянувшая из комнаты Сора молча смотрела на неё.

– Люси не приходила? – балансируя на одной ступне, спросила Козетта.

– Кто?

– Кукольная нога.

Сора вздрогнула. Её бледное лицо стало ещё бледнее, чем обычно.

– Она разве здесь? Ты её видела?

– Видела. – Козетта наконец справилась с чулками и швырнула их в тот же угол, где уже валялся смятый фартук. – Дело такое, Сора-тян. Похоже, мы едем в Злондон.

– Зачем? – хрипловато спросила японка.

– Выручать твою Хину, – сказала Козетта и мысленно добавила: «а точнее тех, кому не посчастливилось с ней повстречаться».

Сора вздрогнула ещё сильнее.

– Но ты же не хотела… Что заставило тебя передумать? – пробормотала она.

– Обстоятельства, – туманно ответила Козетта. – Так что собирай вещи, сегодня вечером мы уезжаем. Кстати, поедем не на поезде, так что много не набирай.

Вопреки ожиданиям подруги, Сора не запылала энтузиазмом, услышав новость. Наоборот, она сильно сжала губы и полузакрыла глаза, будто пыталась смириться с тяжкой необходимостью.

– Сора-тян, между прочим, я это ради тебя делаю! – прикрикнула на неё Козетта.

Сора опустила голову и что-то пробормотала. Козетта своим острым слухом разобрала сказанное: «Не хочу подвергать тебя опасности».

– Это очень мило, моя дорогая, но я засиделась в Ковентри. Думаю, Злондон успел позабыть и Долли Миллер, и Клариссу Кольт, так что теперь самое время познакомить его с Катериной Калашниковой! – Козетта говорила нарочито весело, чтобы не передумать.

– Тебя разоблачат, – вяло откликнулась Сора.

– Не думаю. Мне столько лет удавалось водить всех за нос и оставаться безнаказанной! Не может удача изменить мне в самый ответственный момент.

На самом деле Козетта вовсе не была так уж уверена в благосклонности Фортуны, но решение было принято.

– Одевайся потеплее, Сора-тян. Нам предстоит нелёгкое путешествие.

Глава 7

Бен

Дорогая Мартина!

Позволь мне продолжить повествование. Итак, Куница разыскал нас с близнецами ближе к обеду, когда мы успели обойти город по периметру и удостовериться, что Нью-Ковентри со всех сторон окружён снежной пустыней. На меня это произвело тяжёлое впечатление: я представил, каким крошечным этот городок выглядит с высоты птичьего полёта. А вокруг только снега, снега, снега…

– Мы что, отрезаны от всего мира? – нервно спросил я в пустоту, так как близнецы со мной разговаривать не желали. – Но это ведь невозможно! Если здесь есть лавки, то в них должен быть товар, а если в них есть товар, то его откуда-то привозят! Откуда?

Дети ничего не ответили, но я надеялся, что Куница будет несколько более разговорчив. В конце концов, это он тут главный, а близнецы просто исполняют его распоряжения. Они ни на секунду не сводили с меня глаз.

Подошедший Куница не выглядел замёрзшим, хотя на нём не было ни шапки, ни рукавиц. Только смуглые щёки казались чуть более потемневшими.

– Томсоны пригласили нас на поздний ленч, – весело сказал он, дружески потрепав Жана за плечо и подмигнув Жанне. – Так что сегодня никакой вяленой говядины. Ура!

– Ура! – крикнул Жан.

– Я тоже приглашён? – хмуро поинтересовался я.

Куница насмешливо посмотрел на меня. Признаюсь, что у меня внутри всё гневно задрожало от одного этого взгляда.

– Конечно, Бен. Ты наш гость, – очень серьёзно ответил он.

– Гость, которого держат в неведении! – я твёрдо выдержал его взгляд.

Куница вздохнул.

– Бен, я понимаю, что у тебя много вопросов. Но невежливо заставлять Томсонов ждать, это милые люди. Предлагаю хорошенько пообедать, а потом я отвечу на все вопросы, которые ты догадаешься задать.

Этот тип будто нарочно выводил меня из себя! Он сказал это так, будто заранее сомневается в моей способности о чём-то догадаться. Клянусь тебе, Мартина, что вся ненависть, которую я испытывал к Унице раньше, вернулась ко мне после этих слов.

Но ненавистью сыт не будешь. Длительная прогулка на свежем воздухе пробудила во мне зверский аппетит, так что я с приятной тоской вспоминал о скудном завтраке, миновавшем несколько часов назад. Морить себя голодом не имело смысла, так что я поборол свою гордость и молча последовал за Куницей, решив, что выскажу ему всё наболевшее после нескольких порций сытной еды.

…Томсоны жили в самом центре города, их дом располагался между скобяной лавкой и прачечной. По тому, как сильно потемнел от времени фальшивый фасад, я понял, что дом был построен одним из первых в этом маленьком городе. Это совпадало со словами Томсона, утверждавшего, что он – сын первых поселенцев и, стало быть, один из основателей Нью-Ковентри.

Нравы здесь царили самые непринуждённые, поэтому ни Куница, ни брат с сестрой не изъявили желания переодеться к обеду, как это делают во всех приличных местах. Мы отправились в гости к Томсонам как и были: все в кожаных куртках на меху, в нелепых шта-

нах и грубых ботинках. Даже девушка не пожелала привести себя в порядок и одеться более благопристойно.

В прихожей было так сильно натоплено, что я почувствовал, будто меня прямо в одежде окунули в горячую воду. Щёки моментально вспыхнули, глаза заслезились. Нашу компанию встретили сразу две хозяйки: пожилая дородная женщина с красным, но добродушным лицом, и круглолицая девушка более скромных объёмов – наверняка дочь Томсонов. Обе так радостно улыбались, будто видеть нас – сплошное удовольствие. Миссис Томсон приняла у нас верхнюю одежду и аккуратно повесила её на вбитые в стену крючки, а ботинки разрешила на снимать, только протянула щётку, чтобы обмахнуть их от снега.

Куница первым вошёл в просторную столовую с деревянной мебелью и простыми дощатыми стенами, на которых в беспорядке были развешаны хромолитографии с изображением цветов и животных. Широкий стол был накрыт белоснежной накрахмаленной скатертью, на каждом стуле лежала плоская подушка с бахромой по краю. Стульев было ровно семь – по числу хозяев и гостей. Значит, меня действительно ждали в этом доме.

– Присаживайтесь скорее! – воскликнула миссис Томсон и тут же куда-то скрылась – должно быть, на кухню. Её дочь, краснея, улыбнулась сперва Кунице, потом близнецам, а затем и мне. В её глазах не было ни капли любопытства, одна только радость от появления гостей.

В этот момент, моя дорогая Мартина, я почти поверил, что всё происходит на самом деле. А когда в столовую вошёл сам Томсон – огромный, вальяжный, с радушнейшей улыбкой на мясистой физиономии, я уже готов был поставить значительную сумму на то, что вокруг меня – реальность. Эти люди выглядели настолько живыми и симпатичными, что моё подсознание просто не могло их изобрести.

– Присаживайтесь, присаживайтесь скорее! – поторопил хозяин. – Сегодня мы едим поздно, и моя хлопотушка Полли беспокоится, что блюда перестояли в духовке. А ты, мой новый друг, – ласковый взгляд хозяина остановился на мне, – ещё не знаком с моей дочерью, не так ли? Эмма!

Круглолицая девушка ещё сильнее покраснела и изобразила реверанс – очень неумелый.

– Очень приятно с вами познакомиться, Эмма! – запинаясь, произнёс я. – Меня зовут Бен. Бенедикт Лиховски.

– Он полячишка! – вставил хозяин.

– Кажется, мы с вами уже выяснили, что нет, – окончательно смутившись, добавил я. – Я англичанин.

– А, ну да. Все наши друзья прямиком из Злондона, представляешь, Эмма? – здоровяк густо хохотнул.

– Это так далеко! – вежливо заметила девушка, посмотрев на меня. – Вы проделали очень долгий путь.

– Да не такой уж и долгий, – тихо сказал я. Но близнецы услышали и с неудовольствием покосились на меня.

Тут на пороге комнаты снова появилась хозяйка.

– Как, вы ещё не расселись? – она всплеснула руками. – Так, Роберт, проследи, чтобы каждому досталось удобное место. Эмма, иди-ка помоги мне. Сегодня мы решили поплотнее набить животы, так что будет салат, жаркое и пудинг.

– Мне можно сразу пудинг! – заявила невоспитанная Жанна.

Но миссис Томсон только погрозила ей пальцем.

– Нет, мисс, вы будете есть то же, что и все. Но пудинга я вам положу побольше.

– Ура! – крикнула девица.

– Не надо ей пудинга, она и так толстая! – перебил сестру Жан.

Близнецы раздражали меня всё больше и больше. Я не понимал, почему Томсоны прощают им все эти выходки, а Куница никак не реагирует.

Наконец, все расселись. Мне досталось место между Жанной и Эммой, близнецы, ревниво поглядывая друг на друга, сели по обеим сторонам от Куницы, мистер Томсон пристроился рядом с Жаном, а оставшееся место рядом с дверью на кухню заняла хозяйка. Правда, она то и дело вскакивала и бросалась на кухню, словно боялась, что без её присутствия там обязательно что-то сгорит или взорвётся.

Салат показался мне очень странным: в нём были кислые яблоки, репа и сельдерей. Есть такую диковинную смесь саму по себе было невозможно, но я с удивлением заметил, что свежий кислый вкус овощей отлично оттеняет сладковатое, сытное жаркое.

– Какой необычный картофель, – вежливо заметил я.

– Это ямс, – подмигнул мне хозяин, одновременно засовывая в рот огромную деревянную ложку с куском мяса в ней. – Наш польский друг никогда не пробовал ямса, представляешь, Полли?

– Роберт, сначала прожуй, потом говори, – строго ответила ему супруга, подвигая ко мне соусник с густой мясной подливой.

– Объедение просто! – вставил Жан, дёргая соусник так, что несколько капель подливы упали на белоснежную скатерть. – Миссис Томсон, вы лучшая кухарка в мире!

И пока я с ужасом смотрел на жирные капли, расползающиеся по белому хлопку, хозяйка зарумянилась от удовольствия и ущипнула Жана за щёку.

Да, здешняя свобода нравов могла повергнуть в шок любого блюстителя традиций.

– Между прочим, мой дед тоже был из Варшавы! – ни с того ни с сего заговорил Томсон, проглотив свой кусок тушёной говядины. – Так что мы с тобой в некотором смысле земляки, – и он подмигнул мне.

Я вздохнул.

– Мистер Томсон, я никогда не был в Варшаве. Я родился недалеко от Злондона.

– Вот оно что! – несказанно удивился хозяин. – А моя Полли шведка. Правда, Полли?

– Я американка, – хозяйка оглядывала стол и гостей так пристально, будто боялась, что кто-то нарочно решил остаться голодным. – Ту Швецию я и не помню совсем, мне было пять лет, когда мы уехали.

– Вот. Здесь кого только нет! – снова подмигнул мне хозяин. – Так что ты не смущайся, малыш. Если уж даже Мартин не смущается…

– Кто? – удивлённо переспросил я.

– Ну Мартин [1], – хозяин подбородком указал на молчаливого Куницу. – Ты только посмотри на него – он же вылитый индеец!

Я перевёл взгляд на Куницу. Он совершенно спокойно поглощал жареную кукурузу.

[1] Английские слова Martin (имя) и Marten (куница) созвучны.

– Мы тоже индейцы! – влезла в разговор Жанна.

– Нет, а вы совсем не похожи, – отмахнулся хозяин. – Разве индейцы такие бывают?

– Пожалуйста, давайте не будем за столом говорить об индейцах! – повысила голос хозяйка. – Бен, расскажите лучше о себе. Как вам понравился наш Нью-Ковентри? Как вам вообще страна?

Я снова покосился на Куницу, но он сделал вид, что ничего особенного не происходит.

– Ну, страну я практически не видел, – честно сказал я. – А Нью-Ковентри… – я задумался, как бы лучше охарактеризовать город, а Томсоны с любопытством смотрели на меня.

– Наверное, он показался вам большим? – тихо подсказала Эмма, с начала ленча не открывавшая рта.

– Большим? – я удивился. – Нет, только не большим.

– Значит, бывают города больше Нью-Ковентри? – серые глаза девушки удивлённо распахнулись. – И намного больше?

Я вдруг почувствовал себя глупо.

– Да, бывают и намного больше. Злондон – самый большой город на земле. Весь Нью-Ковентри поместился бы в одном его районе…

– Представляю, какая там толчея! – вставил ремарку Томсон, и они с супругой заливисто рассмеялись.

– Толчея бывает, но только в центре, – возразил я. – Когда утром все служащие и клерки бегут в свои конторы, улицы напоминают реки. Но это зрелище успокаивает… А ещё в Злондоне есть театры, зелёные скверы, синематограф… Магазины и банки…

– Даже синематограф? – ахнула Эмма.

– Да, и не один.

– Так почему же вы уехали оттуда, мистер Бен? – мисс Томсон с нервным ожиданием взглянула на меня. Мне показалось, что она хочет услышать от меня хоть какой-нибудь аргумент, доказывающий, что затерянный в пустоши Нью-Ковентри гораздо лучше Злондона с его магазинами и ресторанами.

Но ответить я не успел.

– Бен не мог больше оставаться в Злондоне, – нарушил молчание Куница, доевший свою кукурузу. – Он совершил убийство.

От этих слов моё сердце пропустило удар. Я почувствовал, как холодный пот выступил под мышками. Удар был нанесён исподтишка, безжалостно и коварно.

– Убийца? – изменившись в лице, переспросила миссис Томсон.

– Точно! – вклинился Жан. – Убил, задушил, прямо до самой смерти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.